

РАССКАЗЫ И СТИХИ О ПИОНЕРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Школьная библиотека для русских школ

РАССКАЗЫ И СТИХИ О ПИОНЕРАХ

Москва
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1975

С62
Р24

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Оформление Г. Акулова

Р24   **Рассказы и стихи о пионерах. Оформл. Г. Акулова.** М., «Дет. лит.», 1975.

111 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ).

Авторы этой книги, каждый по-своему — кто в стихах, кто в прозе, кто в рисунках, — отразили многообразие нашей жизни и показали, как участвуют в ней наши ребята — школьники и пионеры, рассказали о детях революции — предшественниках сегодняшних пионеров, рассказали о пионерской чести, о пионерской славе.

Р $\frac{70802-287}{M101(03)75}$ 475—75

С62

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!

Сколько бы вам ни было лет, в каком бы месяце вы ни родились — все вы именинники 19 мая. В этот день, в 1922 году, родилась пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина — наша славная многомиллионная красногалстучная Пионерия.

День рождения пионерской организации — праздник не только детей. Это наш общий праздник.

Почти все мы, взрослые, каждый в своё время, были пионерами. У многих свежий ещё в памяти год, когда на ребят с пионерскими галстуками глядели с любопытством, как на диковинку.

Теперь в нашей стране нет уголка, где бы не мелькали красные галстуки; нет города, посёлка или деревни, где бы звонко не трубили пионерские горны, призывая ребят к учёбе, к труду, к борьбе за дело коммунизма.

Славную дату — День рождения Пионерии, детской коммунистической организации, — отмечает вся страна, потому что нет у нас человека, чьё сердце не было согрето жаром пионерского костра, и потому что нет у нас таких дел, великих или малых, которым не отдали бы своих умелых рук, зор-

ких глаз, весёлой смекалки наши пионеры. Даже в космос, в просторы Вселенной, первым вырвался и облетел весь земной шар воспитанник Пионерии Юрий Гагарин.

Великий наш вождь и учитель Владимир Ильич Ленин, беседуя с ребятами, любил говорить:

— Когда ты вырастешь, конечно, станешь хорошим коммунистом!

Мечта Владимира Ильича сбылась. Миллионы пионеров, подрастая, становятся хорошими комсомольцами, а затем и хорошими коммунистами.

Вы, ребята, наследники великих дел большевиков-ленинцев. Вам строить наше светлое будущее. Вам жить при коммунизме.

Так будьте же везде и во всём, в учёне и труде, настоящими пионерами, идущими вперёд, постоянно открывающими новое ради счастья человека.

Авторы этой книги каждый по-своему — кто в стихах, кто в прозе, кто в рисунках — хотели отразить многообразие нашей жизни и показать, как участвуют в ней наши ребята — школьники и пионеры, рассказать о детях революции — предшественниках сегодняшних пионеров, рассказать о пионерской чести, о пионерской славе, о великом будущем.

С пионерской весной вас, дорогие ребята!
С праздником!

ПИОНЕРАМ

Что такое пионёры?

Пионёрами были названы люди, которые заселяли новые, только что открытые земли.

Пионёрами называют многих знаменитых работников науки: Луи Пастера — основателя бактериологии; Кюри — открывшую радий, профессора Докучаева, который, исследуя русские почвы, открыл путь для новой науки — геохимии. Пионёром можно назвать Карла Маркса — он осветил всю историю человечества новым светом и указал рабочему народу всего мира единственно прямую дорогу к свободе. Владимир Ленин, первый, кто смело повёл рабочий класс по дороге, указанной Марксом, тоже может быть назван пионёром.

Всякая общественная работа, которая расширяет и углубляет рост общечеловеческой культуры и служит интересам трудовых классов, имела, имеет и будет иметь своих пионёров.

...Вы, ребята, — дети, братья и сёстры пионёров социальной революции, дети строителей нового мира, вы тоже вступаете в новую землю, только что открытую для вас, вы заселите её, как хозяева всех её сокровищ, как свободные работники на самих себя.

Перед вами — прекрасная, героическая работа: продолжать начатое отцами величайшее, героическое, справедливое дело.

...Вы должны всё видеть, всё изучать, вооружаться знаниями и не брезговать никаким трудом.

Вы, пионёры, должны смело и прямо идти по дороге, открытой перед вами Лениным.

Вперёд, пионёры!

3. Воскресенская

ЯСТРЕБКИ

Ястребкí — это не птíцы и не самолёты. Ястребкí — это пионёрские мальчíшки.

Как сейчáс пионёры помога́ют па́ртии и комсомо́лу во всех дела́х, так и в револю́ции 1905 го́да пионёрские мальчíшки помога́ли сво́им отцáм в борьбé за свобо́ду.

Ястребкí охраня́ли вме́сте с рабо́чими-дружíнниками мí-тинги, сидéли в дозóрах на рабо́чих маёвках, бы́ли связны́ми, отвлека́ли на себя́ жандармов и шпи́ков.

За быстроту́ в де́ле, смека́лку и бесстра́шие рабо́чие прозва́ли э́тих ребят ястребкáми.

Э́то бы́ли са́мые пёрвые пионёры в Росси́и.

Васи́ль с ястребкáми пробира́лись к Па́нинскому са́ду. Егóрка заарта́чился: он уже́ здесь побывáл — хва́тит! До сих пор по́мнит, как сто́рож чуть́ у́хо не оторва́л, да вдоба́вок мать отлупи́ла за по́рванную рубáху. Э́то не счита́я расцара́панных в ку́стах крыжовника рук.

Васи́ль глянул на него́ с презре́нием:

— Буб́лик с ма́ком! Не мо́жет поня́ть: не баловство́ э́то. И в са́ду сейчáс ни крыжовника, ни сто́рожа.

— Прóсто сробéл,— объясни́л Ро́мка и доба́вил ра́зные други́е, не о́чень приятные для Егóрки слова́.

Но Егóрка лезть в сад отказáлся наотрэ́з.

Ребáта перебира́лись че́рез вы́сокий кирпи́чный забо́р. Ме́шали ва́ленки — больш́ие, не по ногé. Пры́гали в пуши́стый, глубóкий сугро́б.

В са́ду рассу́пались вдоль забора. Ка́ждый облюбовáл себе́ «бойни́цу» — отве́рстие в кирпи́чной стене́, сде́ланное прóсто для красоти́, а ребáтам на по́льзу. Сквозь э́ти отве́рстия мо́жно бы́ло уви́деть кусо́чек у́лицы и перегова́риваться, как по трубе́.

Васи́ль за́нял пози́цию у второ́й бойни́цы от угла́.

Рѳмка устроился на старѳй кривѳй иѳве, что рослѳ напрѳтив Нарѳдного дѳма.

Пѳлыцы на рукѳх скѳро одеревенѳли, стѳли нѳги, но Рѳмка боялся шевельнѳться, чтѳбы не открѳть себя.

У подѳезда дѳма в свѳте фонарѳй искрилась снѳжная пыль. По булѳжнику цѳкал подкѳванными сапогѳми городовѳй — хозяин ѳлицы, лѳтый враг всех мальчѳшек. Тѳлько бы он не запримѳтил Рѳмку!

Наконѳц в подвѳльном помещѳнии засветѳлось окнѳ. Рѳмка мѳгом соскользнѳл с дѳрева, выждаѳ, покѳ городовѳй скрѳетсѳ в концѳ ѳлицы, и вскочѳл в подѳезд.

В зрѳтельном залѳ кончилсѳ спектакль, и пѳблика стѳла расходѳться; в гардерѳбе стояѳ шум и толчѳя. Вмѳсте со зрѳтелями уходѳли из Нарѳдного дѳма и делегѳты Пѳрвой петербѳргской партѳйной конференцѳи, котѳрая здѳсь тѳйно собирѳлась.

На вторѳм этажѳ Рѳмка приоткрѳл дверь в кѳмнату рѳдом с вестибѳлем. В кѳмнате бѳло мнѳго беспорѳдочно раздѳвѳнутых стѳльев. Лицѳм к двѳри стояѳ небольшоѳ рѳста человек с высокѳм лбом. В борѳдке и усѳх рыжинки поблѳскивают, в глазѳх — золотѳе искорки. Он надевал пальтѳ и говорѳл дѳде Ефѳму:

— Мы ѳчень хорошѳ поработѳли сегѳдня, Ефѳм Петрѳвич. Голосовѳние показѳло, что большевикѳ одержѳли верх.

Рѳмка хотѳл закрѳть дверь, но говорѳвший примѳтил еѳѳ и спросѳл:

— Вам коѳѳ, молодѳй человек?

— Мне дѳдю Ефѳима, — отвѳтил Рѳмка и покраснѳл: до тоѳѳ у неѳѳ получѳлось ѳто не по-взрѳслѳму.

Ефѳм Петрѳвич оглянѳлсѳ.

— ѳто наш ястребѳк, Владимѳр Ильѳич... Всѳ в порядѳке? — спросѳл он Рѳмку.

— Врѳде всѳ.

— Мы мѳжем быть увѳрены? — спросѳл Владимѳр Ильѳич.

— Да! — тѳвѳдо отвѳтил Рѳмка и снѳва почувствовал себя взрѳслѳм.

Он выбрался с толпой на улицу, пробежался вдоль забора и прижался спиной ко второй бойнице. Слышно было, как в отверстие в стене кто-то дул и громко дышал. Ромка улучил удобный момент и сердито прошептал Василию в переговорную трубу:

— Скажи, чтоб тихо сидели и не пыхтели.

Мальцы примолкли, но вот Федюнька начал рассказывать, будто в Питере конку возить будут не живые лошади, а «лектрические» и будто все те кони в шапках-невидимках и поинностранному называются «трамвай». Федюнька хотел еще что-то интересное рассказать, но получил от Василя подзатыльник и замолк.

Ромка пристально вглядывался в проходивших людей. Вот уже перестали хлопать двери Народного дома, и улица опустела. Неужели проглядел? Ему даже жарко стало, и в ушах от напряжения зазвенело. Где-то со стороны Расстанной улицы раздались крики, и туда заспешил городской. «Наверное, драка», — подумал Ромка.

Из подъезда Народного дома вышли двое. Один был длинный и худой — это дядя Ефим, а во втором, одетом в темное пальто и высокую мерлушковую шапку, Ромка узнал человека с золотой искоркой в глазах.

Вот из-за угла вынырнул какой-то барин в долгополом пальто и в котелке, с тросточкой в руках. Мелким, быстрым шагом он пошел следом за дядей Ефимом и его спутником. Шел крадучись, как кот, и даже снег не скрипел под его ногами.

Это был шпик.

Ромка знал, что шпик теперь будет как тень следовать за спутником дяди Ефима и где-нибудь по дороге укажет на него жандармам и те арестуют его и посадят в тюрьму, как посадили в тюрьму Ромкиного отца.

Время было тяжелое. Шел 1906 год, второй год русской революции. Царь не жалел патронов, не скупился на тюрьмы для революционных рабочих. Но рабочие не сдавались. Ромка пошел навстречу шпику.

Шпик набавлял хóду. Вдруг перед ним, как из-под земли, вы́рос парни́шка в кúртке не по рóсту и в ша́пке, надвинутой на глаза́.

— Дяденька, скажите...

Шпик то́лько махну́л руко́й:

— А ну тебя!

Но парни́шка поше́л ря́дом, и бы́ло я́сно, что он не отсту́пит до тех пор, пока́ не решит занима́вший его́ вопро́с.

Так и шага́ли о́ни бок о́ бок: жандармский слуга́ в оде́жде ба́рина и пи́терский мальчи́шка в дыря́вых ва́ленках и нищенской оде́жде, но с чи́стым и сме́лым се́рдцем.

— Дяденька! — вдруг крикнул что есть си́лы Ро́мка, когда́ о́ни поравня́лись с кирпи́чным забóром, и стал на панéли, прегради́в путь врагу́.

В то же мгнове́ние с забóра ста́ли сва́ливаться на шпика́ Ро́мкины и Васи́левы ястребкí.

Васи́ль стоя́л на верху́ кирпи́чной стéны и кома́ндовал:

— Фе́дюнька, сига́й ему́ на спину, дья́волу! Се́мка, забега́й вперёд!

— Смелéй, не робéй! Валя́й-поддава́й! — подба́дривал Ро́мка.

Фе́дюнька спры́гнул со стéны, но его́ опереди́л свали́вшийся с но́ги де́дов ва́ленок, и кто́-то в пы́лу сва́лки шибану́л э́тот ва́ленок в сто́рону.

Васи́ль был уже́ внизу́. Мальцы́ все вме́сте окружи́ли ба́рина, что́-то крича́ли, на кого́-то жа́ловались, зама́хивались друг на дру́га кулака́ми и цепля́лись за руки шпика́. Шпик пыта́лся оторва́ть их от себя́, вы́свободиться, руга́лся и наконец завопи́л: «Кар-р-ау́л!» — но его́ крик утону́л в ребя́чьем галде́же.

Отку́да-то появи́лся Егóрка. Он схвати́л валя́вшийся на панéли ва́ленок и с побéдным кри́ком рину́лся в сва́лку.

Шпик поскользну́лся и упáл, увлека́я за собо́й ребя́т, котелóк слетéл у него́ с голо́вы.

Ро́мка вы́брался из гу́рьбы ребя́т и огляде́лся. Ему́ бы́ло жа́рко, он тяжело́ дыша́л.

Из темноты выплыла длинная тень. Это возвращался дядя Ефим. Он был уже один.

— Вы чего буяните? — зашумел Ефим Петрович, притворяясь сердитым. — Зачем человека с ног сбили? Вот я вас сейчас! А ну, расходись!..

Ястребки мгновенно разлетелись в стороны, и дядя Ефим помог шпикú подняться на ноги. Но шпик со злостью оттолкнул его, нахлобучил котелок, который услужливо подал Василь, выхватил из кармана свисток и что есть мочи принялся свистеть.

Городовой не появлялся. Его ещё раньше отвлекли рабочие-дружинники. Сви́репо ругаясь, шпик побежал по направлению к полицейскому околотку.

У стены стоял Федю́нка. Он засунул обе ноги в один вáленок и не мог двинуться с места. Из-за дёдова вáленка ему не пришлось участвовать в деле.

Рóмка вы́рвал вáленок у Егóрки:

— Тóже храбрый нашёлся — чужím вáленком воевáты! Ребáта окружили дядю Ефíма.

— Бегíte нá угол Расстáнной,— приказáл Ефíм Петрóвич Василю.— Там рабóчий-дружинник Гаври́ла Ива́нович сто́ит, скажи́ ему: «Шабáш, всё в порядке».

Васи́ль помча́лся. Дядя Ефíм пошёл по у́лице. Мальчи́шки двину́ли за ним. Шли мо́лча, поглядывали на дядю Ефíма и всё ждáли, что он ска́жет. А он то́лько хитро́ посме́ивался в усы́.

— Ну, че́го там разговáривать,— наконёц сказа́л он.— Большо́у по́мощь дружинникам оказа́ли, ва́жное поруче́ние вы́полнили. Дорого́му челове́ку помогли́. Та́к-то...

Они́ шага́ли сейча́с по у́лице и бы́ли её хозя́евами.

Пороши́л снежо́к.

Ста́рая, крива́я и́ва стояла в нарядном и́нее.

Улица́ была́ чи́стая.

А. Голубева

ЛИСТОВКИ

(Отрывок из повести о детстве С. М. Кирова)

Серёжа Кóстриков, ученик Казáнского промышленного училища, приехал летом на каникулы к ба́бушке в го́род Уржум. Его друг С́аня знакомит Серёжу с ссы́льным революционером Па́влом Ива́новичем. Па́вел Ива́нович приглашает ребят к себе в го́сти.

Серёжа давно уже хоте́л познако́миться с ссы́льными. И вот наконёц познако́мился с настоящим политическим!

— Сань, пойдём к студёнту за́втра, — сказа́л Серёжа Са́не.

И на сле́дующий день ве́чером они пошли́ в же́лтый до́мик под горой.

— А, пришли гости глотать кости! — встретил их, улыбаясь, в сенях незнакомый ссыльный, пожилой и высокий человек. — А ну, проходите, ребята, к столу!

Серёжа и Сяня прошли в комнату. Ссылные пили чай. Павел Иванович познакомил товарищей с остальными. В домике жили девять человек. Серёжа и Сяня узнали, что были здесь молодые и старые, были студенты и рабочие, что фамилия высокого пожилого ссыльного, который их встретил, — Зоткин, что он рабочий, слесарь Путиловского завода.

В первый вечер Серёжа и Сяня просидели и проговорили у ссыльных целый час. Через два дня они снова пошли в домик под горой. Теперь их приглашал не только Павел Иванович, но и слесарь Зоткин и все остальные.

— Вижу я, что ребята вы хорошие и, по-моему, умеете молчать, — сказал недели через три слесарь Зоткин.

«Умеем!» — хотел крикнуть Серёжа, но постеснялся.

— В этом деле, друзья, осторожность нужна. Нам кое-какая помощь требуется.

— А что нужно сделать? — спросил Серёжа; от волнения у него даже руки задрожали.

— Листовки!

И слесарь Зоткин начал рассказывать и объяснять товарищам, как нужно печатать листовки. Работы было немало: нужно глицерина с желатином в аптеке купить. Аптека в городе одна. Покупать сразу нельзя; нужно в аптеку ходить по очереди, чтобы не удивился лысый и толстый аптекарь: зачем это ребятам столько пузырьков с глицерином?

Потом из глицерина надо вроде мази состав сварить. А потом напечатать листовки...

— Ну, всё поняли? — спросил Зоткин.

— Всё!

Дней восемь ходили Серёжа с Сяней за глицерином в аптеку. Потом сварили состав вроде мази.

И вот ночью, когда все домашние спали, Серёжа и Сяня отправились в старую баню.

Здесь они завесили ватным одеялом банное окошко, за-

жгли фонарь и принялись печатать листовки. В листовках было сказано, почему бедным живётся плохо, а богатым — хорошо, и кто виноват в том. Внизу, в самом конце листовок, большими буквами было написано: «Долой царя! Да здравствует революция!»

Если бы городовые поймали Серёжу и Санию с такими листовками, они сразу бы посадили их в тюрьму.

Серёжа и Сания печатали, а сами слушали, не идёт ли кто. Серёжа два раза выбегал смотреть на улицу. На улице тихо, темно... Только в траве кузнечики трещат да в конце улицы собака лает.

Они работали до самого утра, а когда взошло солнце, заиграл пастух и погнал коров в поле, Серёжа побежал к ссыльным.

— У нас всё готово, — сказал он Зоткину. — Триста листовок вышло!

— Молодцы, ребята! — похвалил слесарь. — Теперь вам остаётся последнее и самое опасное дело: сегодня ночью нужно разбросать эти листовки по городу, на базаре и на Малмыжском тракте. Смотрите, не попадитесь в лапы городовым. Будьте осторожны.

— Будем! — ответил Серёжа.

Наступила ночь. Серёжа и Сания стали собираться. Они торпливо рассовывали листовки по карманам, записывали за пазуху. Рубашки у них оттопырились, карманы раздулись.

— Сначала пойдём на базар, потом — на Малмыжский тракт, — сказал Серёжа.

Они погасили фонарь и вышли из бани во двор. Потом осторожно, на цыпочках, прошли по двору и вышли на улицу. Город спал.

Они быстро и молча шагали по тихому, сонному городу и скоро добрались до базара.

— Начинай... — шёпотом сказал Серёжа.

Пригнувшись, они побежали к пустым деревянным прилавкам, на которых крестьяне расставляли свой товар — крынки с молоком. Молча и быстро Серёжа и Сания разбрасы-

вали по прилавкам листовки. Со всех сторон слышались хруст и пофыркивание. Это жевали сено распряжённые лошади. На возах и под возами спали крестьяне, приехавшие к базарному дню. Иногда сонные люди шевелились, поднимались. Серёжа и Сания тотчас же прятались за прилавками; когда всё стихало, они снова принимались за работу. Скоро все прилавки были покрыты белыми листовками.

— Ну, готово! — шепнул Серёжа. — Теперь бежим на Малмыжский тракт.

И они побежали. До тракта было не так-то близко, а с работой надо было покончить до утра. У одного из домов с высоким забором и резной железной калиткой Серёжа остановился, вытащил из кармана несколько листовок и бросил их с размаху через высокий забор в сад. Сания испугался, схватил его за руку. В этом доме жил самый большой уржумский начальник — исправник Пенешкевич.

— Бежим!

Серёжа толкнул Санию в бок, и они понеслись во всю прыть. Когда улица осталась позади, Серёжа сказал шепотом:

— Пускай знает, что революционеры и ночью не спят!

За городским садом ребята сняли сапоги и перешли Уржумку вброд. На той стороне реки сразу же начинался Малмыжский тракт. По обеим его сторонам темнел лес. Едва Серёжа и Сания добрались до него, как неожиданно где-то позади раздался короткий пронзительный свист. Казалось, свистели совсем близко. Серёжа и Сания опрометью бросились в лес. В нём можно было укрыться от погони.

За первым свистком раздался второй, и наконец всё смолкло.

— Стой! — остановил Санию Серёжа. — Куда разогнался? Нужно листовки разбросать.

— Верно! — сказал Сания, переводя дух.

Они пошли по дороге и оставляли листовку то здесь, то там: у придорожных кустов, в канавках и у дороги.

Через полчаса все до одной листовки были разбросаны.

— Знаешь, Сания, пойдём-ка обратно другой дорогой, — на-

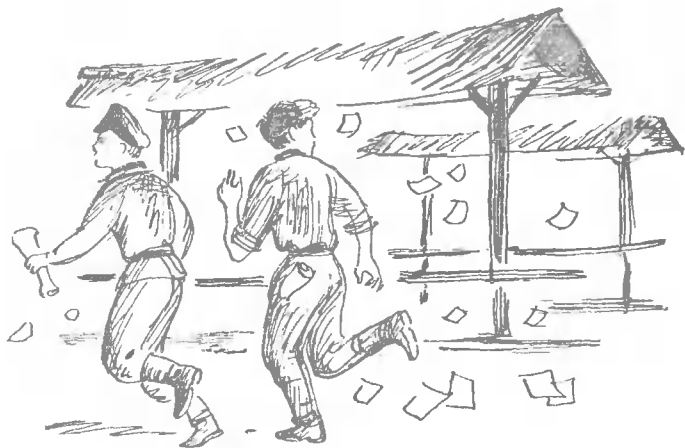
думал Серёжа.— Свисток был полицейский. Может, нас городовые караулят у брёда.

Дорога шла через болото. Ребята часто проваливались в холодную воду. Ветки ёлок хлестали их по лицу.

— Ничего, придём домой — обсохнем, — подбодрял Серёжа товарища.

Начинало светать. Мокрые, усталые, но довольные, приятели вернулись домой.

Они отлично выполнили поручение ссыльных революционеров.

В СИБИРИ

Мне не было ещё и восьми лет, когда отец поссорился с дедом и решил уехать из родных мест. Наша семья проделала тогда большое путешествие... Наверно, я и не помнил бы об этом путешествии, если бы в чужом краю не случилась встреча, которую я никогда не мог забыть. Помню её и сейчас.

Мы уехали в Сибирь, поселились не то в большом селе, не то в маленьком городе — Тайшете. Отец получил работу грузчика на железнодорожной станции. Поначалу всё сложилось как будто неплохо. Сняли на окраине за скромную плату маленькую деревянную баньку и расположились в ней почти так же удобно, как в избе. Только наша спокойная жизнь длилась недолго.

Совершенно неожиданно был арестован отец. Мать осталась на чужбине без родных и знакомых, с двумя детьми: мною и сестрёнкой Таней, которой не было ещё и года.

Мы не знали ничего о судьбе отца. Мать ходила на подённые работы: выносила на станцию к приходу поездов пирожки своего изготовления, на которые у меня только зря слюнки текли: пирожки она продавала пассажирам, а для нас покупала что-нибудь попроще. Жизнь наша и раньше была небогатая, а потом и вовсе тяжёлая стала.

Наконец, почти через год, пришло письмо от отца. Как ни странно, оно было написано им самим, хотя отец был неграмотным...

Вот, примерно, что он писал из иркутской тюрьмы:

«Здравствуй, дорогая моя Мария и детки Миша и Таня!

Посылаю я вам низкий поклон и желаю всем здоровья. Сижу я в тюрьме, сам не знаю за что. Сначала меня обвинили в соучастии в краже какой-то чесучи при разгрузке вагона с мануфактурой. Потом обвинили, будто я стоял около барака во время собрания политических, и всё допрашивали, кто был на этом собрании. Оно так: может, среди наших чернорабо-

чих и были политические, но не моего ума́ это дело. И я на всех допросах говорил только то, что на самом деле знал: уморился после разгрузки угля, сел передохнуть в тенёчке за бараком да и малость вздремнул.

Сижу я в тюрьме вместе с политическими. Политические, скажу тебе, очень хорошие люди. Вот выучили меня грамоте.

Если сможешь, приезжай навестить. Я спрашивал, говорят — пустят. Я очень соскучился. Остаюсь жив-здоров — твой Василий».

Из этого письма я впервые узнал, что есть какие-то «политические» люди.

Вскоре мать с маленькой сестрёнкой на руках поехала поглядаться с отцом.

— Поживи, как сумеешь,— сказала она мне на прощанье.— Хлеба тебе оставила, хватит. А если ещё что нужно будет, спроси у людей — авось люди тебя не обидят. Я же скоро вернусь...

Так я остался один, сам себе хозяином, и начал жить вольным казакom. Гулял с товарищами до позднего вечера. То мы ходили на рыбную ловлю к реке Бирюсе, то в лес, то целыми днями играли в бабки. В это время и произошла встреча, запомнившаяся мне на всю жизнь.

В таёжных чащах, со всех сторон окружавших Тайшет, уже появились грибы. Не сошли ещё и ягоды. А за ведро ягод можно было получить деньги, в которых каждый из нас нуждался.

И вот однажды с двумя товарищами — Андреем Дубинным и Витей Сомовым — забрались мы довольно далеко в чащу. Был ясный полдень, но в тёмной глуши леса стояла такая мрачная тишина, что казалось, будто надвигается ночь. Безотчётно покоряясь суровости окружавшей нас природы, мы тоже примолкли. Стало даже немного не по себе, но никто, разумеется, и виду не подавал, что трусит.

В те дни у всех на уме были сбежавшие арестанты, которых гнали на каторгу по Сибирскому тракту. Город был взволнован этим событием. Взрослые потихоньку от ребят обсуж-

дали побег. Купцы стали крепче запира́ть ла́вки, а полицейским сбежа́вшие ка́торжники мерещились на ка́ждом шагу́. Дело случи́лось недалеко́ от Тайше́та, и было́ вполне возмо́жно, что беглецы́ скрыва́лись где-то побли́зости.

Отчётливо по́мню жгу́чий стыд, охвативший меня́, когда́ Андре́йка презри́тельно сказа́л:

— Тру́сишь, что ли?.. Тогда́ не́чего в лес ходи́ть! Сиде́л бы до́ма.

Все замолча́ли. И вдруг в наступившей тишинé мы услы́шали ти́хий, невнятный звук, похо́жий на стон...

Не зна́ю, как мой това́рищи, но я о́чень перепуга́лся.

— Ну, что вы? — че́рез мину́ту спроси́л Андре́йка. — Ма́ло ли что в лесу́ почу́дится... На то и лес.

Но стон разда́лся сно́ва. Он был так слаб, что е́сли бы слух наш не был до кра́йности напряже́н, то, мо́жет быть, мы и не расслы́шали бы его́. Но мы восприни́мали вся́кий шум с тако́й обостре́нной чувстви́тельностью, что, каза́лось, ещё не́много — и услы́шим, как тра́ва растёт.

— Мо́жет, медве́дь где спит, — сказа́л наконёц я, — или зверь ка́кой подби́т?

Това́рищи молча́ли. Мы не́которое вре́мя подожда́ли, не повто́рится ли звук, но всё было́ ти́хо.

Хотéлось бы твёрдо сказа́ть себе́ и убедить това́рищей, что ничего́ не́ было, что вздо́хи нам прóсто почу́дились, да поско́рее уйти́ от подозри́тельного ме́ста. Но э́то было́ бы тру́состью. Мы посовеща́лись, как быть, и реши́ли иссле́довать та́йну непоня́тного зву́ка.

Осторо́жно, кра́дучись, мы пошли́ гусько́м к гру́ппе кустов, отку́да, каза́лось, раздава́лись э́ти зага́дочные сто́ны. Андре́й шёл пе́рвым. Едва́ он раздвину́л кусты́, как срáзу остано́вился. На земле́ в неловко́й по́зе лежа́л челове́к в желе́зных на́ручниках. Он не дви́гался. Глаза́ бы́ли закры́ты. Те́мная борода́ и усы закрыва́ли ни́жнюю часть лица́. Бегле́ц каза́лся ме́ртвым.

— Дя́дя, а дя́дя! — ти́хо спроси́л Андре́йка. — Ты живо́й или нет?

— Пить...— жалобно, как ребёнок, попросил человек.

С этой минуты никакого страха у нас уже не оставалось. На смену ему пришло совершенно новое чувство — ответственность за жизнь человека. Кто бы он ни был, его судьба была в наших руках. Мы одни могли или оказать ему помощь, или дать погибнуть — и, разумеется, мы не выбирали!

Андрейка немедленно погнал меня на лесное озеро за водой.

Когда я вернулся с ведёрком мутной, зеленоватой водицы, беглец был уже переложён на мягкую подстилку из ветвей и мха. Тут только я заметил, что он ранен: ребята перевязали ему плечо кусками ситца, оторванными от его же собственной рубахи. Андрей и Витя отгоняли от неподвижного тела мошкарё. Они хотели было отобрать у меня ведёрко и дать человеку напиться, но я не мог этого допустить: раз я ходил на озеро, то уж имел право напоить его сам.

С той минуты, как я поднёс к его губам воду, мы не расставались четыре дня. Это случилось потому, что ребята вполне справедливо рассудили:

— Твоей мамы нет. Сиди тут, а мы достанем молока, хлеба, ещё чего придётся и принесём.

Я согласился, и они ушли. Мне до сих пор обидно, что я был тогда слишком мал: многого не понял, многое позабыл... Помню, что сделал из веток шалаш, разводил костёр, собирал ягоды и даже сварил как-то раненому грибную похлёбку. Помню ещё, что мы довольно много разговаривали. Раненый расспрашивал меня о моей жизни, о семье, а я, расхрабрившись, задал ему прямой вопрос:

— А за что вас, дядя, арестовали? Убили кого или укресли?

Он только улыбнулся и сказал мне, что никогда в жизни не крал и не убивал, а что царское правительство очень многих людей заковывает в кандалы только за то, что они хотят переменить порядки: отнять у богатей землю и заводы и сделать жизнь хорошей для таких простых людей, как мои родители и я сам...

Это меня́ очень по́дняло в со́бственных гла́зах: ещё никто́ никогда́ не говори́л обо́ мне как о челове́ке да и не разгово́ривал со мно́й так серьё́зно, по-челове́чески. Когда́ же я узна́л, что такие́ лю́ди, как он, называ́ются политическими, мне показáлось, что я уже́ всё по́нял. Не зря́ же и мой о́тец хвали́л их в своём письме́!

Ра́ненный бы́стро поправля́лся. Тяжё́лое состоя́ние, в ко́тором мы его́ нашли́, объясня́лось не сто́лько ране́нием, ско́лько го́лодом и жа́ждой. Андре́йка и Витя приноси́ли нам из Тайше́та доста́точно продо́вольствия на дво́их, и, си́дя с политическим, я был соверше́нно дово́лен своёй судьбо́й. Но на нас легли́ и ещё́ очень ва́жные забо́ты: ну́жно бы́ло избáвиться от ненави́стных нару́чников, но как? Доста́ть прили́чную оде́жду, а где? Спасти́ же э́того, ста́вшего нам са́мым доро́гим челове́ка мы реши́ли во что бы то ни ста́ло. Он внуши́л нам оче́нь си́льное чу́вство к себе́.

Ви́тька Со́мов сказа́л ка́к-то:

— Вот когда́ меня́ аресто́уют, я то́же убе́гу и бу́ду всё терпе́ть, как он те́рпит. Потому́ свобода́ доро́же всего́, и лу́чше умере́ть в тайге́, чем жить на ка́торге!

Наш но́вый друг попроси́л не рассказыва́ть в го́роде о встре́че с ним. Мы да́ли в э́том стра́шную кля́тву. Я то́же сказа́л все торже́ственные слова́, какие́ мог придума́ть, хотя́ от меня́, со́бственно, ниче́го э́того и не тре́бовалось: ведь я безвы́ходно сиде́л в лесу́ и проговори́ться мне бы́ло не́кому. Позднее́ я ча́сто задава́л себе́ вопро́с: за что мы так полюби́ли э́того челове́ка, почему́ так горячо́ взяли́сь за его́ спасе́ние?

Ведь де́ло бы́ло во́все не в том, что мы увлекли́сь необыкно́венными обстоя́тельствами. Вре́мя стёрло из па́мяти те чу́десные бесе́ды, кото́рые он ве́л с на́ми у костра́, но я бу́дто и сейча́с ви́жу перед собо́й наш ма́ленький шала́ш и свои́х това́рищей, кото́рые с зата́енным дыха́нием, боя́сь шелохну́ться, слу́шали бесе́ды Дя́ди (так он сам проси́л называ́ть себя́). Ви́димо, в его́ слова́х бы́ло что-то тако́е, отче́го волновáлись на́ши ребя́чьи ду́ши. Мы чу́вствовали, что судьба́ свела́ нас с бо́льшим замеча́тельным челове́ком. От него́ мы узна́-

ли, что в нашей странѣ угнетѣн народъ, что лучшіе люди не жалѣют своей жизни ради его освобожденія. А какими словами он сумѣл нам это передатъ, я повторить не берусь.

Андрейка и Витя путемъ невероятной изворотливости, с применением всей мальчишеской хитрости, па которую были способны, раздобыли в городе напильник. Потом достали еще вполне хороши сапоги, фуражку, куртку и штаны. Принесли ножницы, и Дядя аккуратно подстриг себе бороду. Освобожденный от наручников, прилично одѣтый, он оказался красивым и статным.

— Мне бы только до Красноярска добраться! — сказал Дядя. — Там свой. Мне добудут паспорт, и я начну снова бороться за народъ.

— Только больше не попадайтесь! — попросил Андрей. — Знаете, как трудно напильник достать...

Дядя расхохотался. Мы не сразу поняли — почему. Лишь когда он добавил уже серьезно, что ему попадаться больше никак нельзя, поскольку он два раза бежал и на третий его обязательно повѣсят, мы сообразили, что Андрейка сказал глупость и дело тут не в напильнике.

Настал час прощанья. Его я помню очень хорошо, так же как последние слова Дяди.

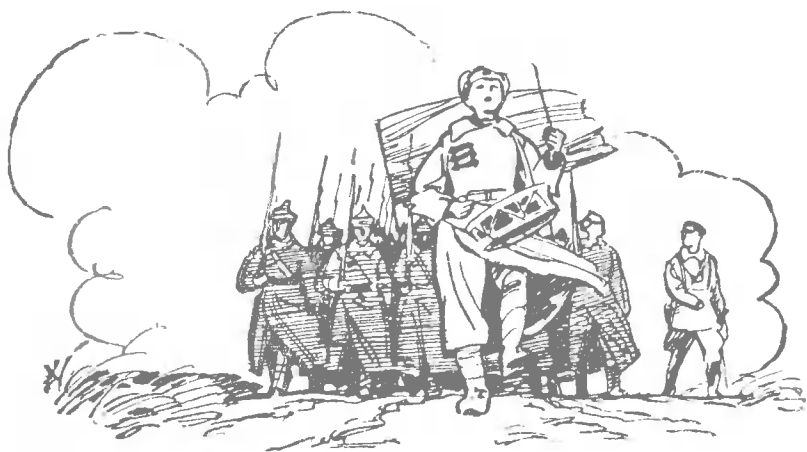
Мы стояли у потушенного костра, среди огромных сосен и кедров. Наступил вечер, и тайга окружила нас сплошной черной стеной, сквозь которую должен был пройти наш друг.

Дядя о чем-то задумался. Наконец он сказал:

— Дорогие ребята! Я вас никогда не забуду. Но мне хотелось бы, чтобы и вы помнили меня. Придет день, когда люди, на которых теперь надевают наручники, победят. И я хотел бы тогда встретиться с вами снова. Спасибо, мой милые, славные товарищи и спасители...

...Через семь лет, когда уже произошла революция, я вспомнил эти слова и долго надеялся, что теперь-то обязательно встречу победившего Дядю...

А четыре прожитых с ним дня навсегда остались самым светлым воспоминанием моего детства.

С. Могилевская

СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ

Бараба́н висе́л на стене́ ме́жду о́кнами, как раз напро́тив кровати́, где спал ма́льчик.

Это был ста́рый во́енный бараба́н, си́льно потёртый с боко́в, но ещё кре́пкий. Ко́жа на нём была́ ту́го натя́нута, а па́лочек не́ было. И бараба́н всегда́ молча́л, никто́ не слы́хал его́ го́лоса.

Одна́жды ве́чером, когда́ ма́льчик лёг спать, в ко́мнату вошл́и де́душка и ба́бушка ма́льчика. В рука́х они́ несли́ круѓлый свёрток в кори́чневой бума́ге.

— Спит,— сказа́ла ба́бушка.

— Ну, куда́ нам э́то пове́сить? — сказа́л де́душка, показы́вая на свёрток.

— Над кроватько́й, над его́ кроватько́й,— зашепта́ла ба́бушка.

Но де́душка посмотре́л на ста́рый во́енный бараба́н и сказа́л:

— Нет. Мы повесим его под барабаном нашего Лярика. Это хорошее место.

Они развернули сверток. И что же? В нём оказался новый жёлтый барабанчик с двумя деревянными палочками. Дедушка повесил его под большим барабаном и вместе с бабушкой вышел из комнаты...

И тут мальчик открыл глаза. Он открыл глаза и засмеялся, потому что вовсе не спал, а притворялся.

Он спрыгнул с кровати, босиком побежал туда, где висел новый жёлтый барабанчик, придвинул стул поближе к стене, вскарабкался на него и взял в руки барабанные палочки.

Сначала он тихонько ударил по барабанчику, лишь одной палочкой. И барабанчик весело откликнулся: трам-там! Тогда он ударил и второй палочкой. Барабанчик ответил ещё веселее: трам-там-там!

Что за славный барабан!

И вдруг мальчик поднял глаза на большой военный барабан. Раньше, когда не было этих крепких деревянных палочек, даже со стула нельзя было до него дотянуться. А теперь?

Мальчик стал на цыпочки, потянулся вверх и крепко ударил палочкой по большому барабану. И барабан прогудел ему в ответ тихо и печально...

Это было очень-очень давно. Тогда бабушка была ещё маленькой девочкой с толстыми косичками.

И был у бабушки брат. Его звали Лярик. Это был весёлый, красивый и смелый мальчик. Он лучше всех играл в городки, быстрее всех бегал на коньках, и учился он тоже лучше всех.

Ранней весной рабочие того города, где жил Лярик, стали собирать отряд, чтобы идти драться за Советскую власть. Лярику тогда было тринадцать лет.

Он пошёл к командиру отряда и сказал ему:

— Запишите меня в отряд. Я тоже пойду драться с белями.

— А сколько тебе лет? — спросил командир.

— Пятна́дцать! — не сморгну́в, отве́тил Ла́рик.

— Бۇдто? — спроси́л командир. И повто́рил сно́ва: — Бۇдто?

— Да,— сказа́л Ла́рик.

Но командир покача́л голово́й:

— Нет, нельзя́, ты сли́шком мо́лод...

И Ла́рик до́лжен был уй́ти ни с чем.

И вдруг во́зле окна́, на сту́ле, он уви́дел но́вый воённый бараба́н. Бараба́н был краси́вый, с блестящим ме́дным обо́дом, с ту́го натяну́той ко́жей. Две дере́вянные па́лочки лежа́ли рядом.

Ла́рик остано́вился, посмотре́л на бараба́н и сказа́л:

— Я могу́ игра́ть на бараба́не...

— Неужели? — обра́довался командир.— А попо́буй-ка!

Ла́рик переки́нул бараба́нные реме́ни че́рез плечо́, взял в ру́ки па́лочки и уда́рил одно́й из них по тугóму ве́рху. Па́лочка отско́чила, бۇдто пружинная, а бараба́н отве́тил весе́лым баско́м: бум!

Ла́рик уда́рил друго́й па́лочкой! Бум! — сно́ва отве́тил бараба́н.

И уж тогда́ Ла́рик стал бараба́нить двумя́ па́лочками.

Ух как о́ни заплясали у него́ в рука́х! О́ни про́сто не зна́ли уде́ржу, о́ни про́сто не могли́ остано́виться. О́ни отбива́ли та́кую дробь, что хоте́лось вста́ть, вы́прямиться и шага́ть впе́ред!

Раз-два! Раз-два! Раз-два!

И Ла́рик оста́лся в отря́де.

На сле́дующее у́тро отря́д уезжа́л из го́рода. Когда́ по́езд трону́лся, из откры́тых двере́й теплу́шки разда́лась весе́лая пе́сенка Ла́рика:

Бам-бара-бам-ба́м!

Бам-бам-ба́м!

Впе́ред всех бараба́н.

Командир и бараба́нщик.

Ла́рик и бараба́н сра́зу ста́ли това́рищами.

По утра́м о́ни поднимáлись ра́ньше всех.

— Здорóво, прия́тель! — говорил Лáрик своему́ бараба́ну и легóнько шлёпал его́ ладо́нью.

«Здо-ро́-во!» — в отве́т гудёл бараба́н. И о́ни принима́лись за рабо́ту.

В отря́де не́ было да́же го́рна. Лáрик с бараба́ном бы́ли еди́нственными музыкан́тами. По утра́м о́ни игра́ли побу́дку:

Бам-бара-ба́м!
Бам-бам-ба́м!
С до́брым у́тром,
Бам-бара-ба́м!

Э́то была́ сла́вная у́тренняя пе́сня!

Когда́ отря́д шёл похóдным ма́ршем, у них была́ припасе́на дру́гая пе́сня. Ру́ки Лáрика никогда́ не устава́ли, и го́лос бараба́на не умолка́л всю доро́гу. Бойца́м бы́ло ле́гче шага́ть по то́пким осе́нным доро́гам. Подпева́я своему́ бараба́нщику, о́ни шли от прива́ла к прива́лу, от прива́ла к прива́лу...

И ве́чером, на прива́лах, бараба́ну то́же находи́лась рабо́та. То́лько ему́ одному́, коне́чно, спра́виться бы́ло тру́дно. Он то́лько начина́л:

Эх! Бам-бара-ба́м,
Бам-бара-ба́м!
Веселе́й всех
Бараба́н!

Сра́зу же подхва́тывали деревя́нные ло́жки:

И мы то́же ло́вко бьём!
Бим-бири-бо́м,
Бим-бири-бо́м!

Пото́м вступа́ли четы́ре гребешка́:

Не отста́нем мы от вас!
Бимс-ба́мс, бимс-ба́мс!

И уже́ послéдние начина́ли губны́е гармо́шки.

Вот э́то бы́ло весе́лье! Тако́й замеча́тельный оркэ́стр мо́жно бы́ло слу́шать хоть всю ночь.

Но была у барабана и Лярика ещё одна песня. И эта песня была самая громкая и самая нужная. Где бы ни были бойцы, они сразу узнавали голос своего барабана из тысячи других барабанных голосов. Да, если нужно было, Лярик умел бить тревогу...

Пришла зима. Снова наступила весна. Лярику шёл уже пятнадцатый год.

Красногвардейский отряд снова вернулся в тот город, где вырос Лярик. Красногвардейцы шли разведчиками впереди большой, сильной армии, и враг убегал, прячась, скрываясь, нанося удары из-за угла.

Отряд подошёл к городу поздно вечером. Было темно, и командир приказал остановиться на ночлѣг возле леса, недалеко от полотна железной дороги.

— Цѣлый год я не видал отца, матери и младшей сестрѣнки,— сказал Лярик командиру.— Я даже не знаю, живы ли они. Можно их навестить? Они живут за тем леском...

— Что ж, иди,— сказал начальник.

И Лярик пошёл. Он шёл и чуть слышно насвистывал. Под ногами в мелких весенних лужичках булькала вода. Было светло от луны. За спиной у Лярика висел его боевой товарищ — военный барабан.

— Узнают ли его дома? Нет, младшая сестрѣнка, конечно, не узнает. Он нащупал в кармане два розовых пряника. Этот гостинец он припас для неё...

Он подошёл к опушке. Как здесь было хорошо! Лес стоял тихий-тихий, весь посеребрѣнный лунным светом.

Лярик остановился. От высокой ели падала тень. Лярик стоял, укрытый этой чёрной тенью.

Вдруг тихо щёлкнула сухая ветка.

Одна — справа. Другая — слева. За спиной...

На опушку вышли люди. Их было много. Они шли дальней цепью. Винтовки наперевѣс. Двое остановились почти рядом с Ляриком. На плечах — белогвардейские погоны. Один офицер сказал другому очень тихо:

— Часть солда́т идёт со стороны́ ле́са, друго́я — вдоль же-
лезнодоро́жной ли́нии. Остальные заходят с ты́ла.

— Мы замкнём их в кольцо́ и уничто́жим,— сказа́л дру-
го́й.

И, кра́дучись, о́ни прошли́ мимо.

Это бы́ли враги́.

Ла́рик глубо́ко вздохну́л. Он сто́ял в тени́. Его́ не заме́-
тили.

Ла́рик потёр ладо́нью горя́чий лоб. Все́ понятно! Зна́чит,
часть идёт из ле́са, часть заходи́т с ты́ла, часть — вдоль по-
лотна́ желе́зной доро́ги...

Бе́лые хотя́т замкну́ть их в кольцо́ и уничто́жить.

Ну́жно бежа́ть туда́, к своим, к кра́сным. Ну́жно преду-
предить, и как мо́жно скорее́.

Но ра́зве он успе́ет? О́ни мо́гут опереди́ть его́. О́ни мо́гут
захвати́ть его́ по доро́ге...

Нет! Сде́лать ну́жно по-друго́му.

И Ла́рик поверну́л к себе́ свой боево́й бараба́н, вы́нул из-
за ремня́ деревянные па́лочки и, широко́ взмахну́в рука́ми,
уда́рил по бараба́ну.

Трево́га!

Это прозвуча́ло, как вы́стрел, как ты́сяча коро́тких ору-
же́йных за́лпов...

Трево́га!

Весь лес откликну́лся, загуде́л, забараба́нил гро́мким э́хом,
бу́дто во́зле ка́ждого де́рева сто́ял ма́ленький сме́лый бара-
ба́нщик и бил в боево́й бараба́н.

Ла́рик сто́ял под е́лью и ви́дел, как к нему́ со всех сторо́н
устремилсь враги́. Но он не двину́лся с ме́ста. Он то́лько
колотя́л, колотя́л, колотя́л в бараба́н свою́ последнюю́ пе́сню
боево́й трево́ги.

И то́лько когда́ что́-то уда́рило Ла́рика в висок и когда́
он упáл, бараба́нные па́лочки са́ми выпали у него́ из рук...

Ла́рик уже́ не мог ви́деть, как навстре́чу врагу́ с винто́в-
ками напереве́с устреми́лись кра́сные бойцы́ и как побеждён-
ный враг бежа́л и со стороны́ ле́са, и со стороны́ го́рода, и

оттуда, где блестяли тонкие линии железнодорожного полотна.

Утром в лесу снова стало тихо. Деревья, стряхивая капли влаги, поднимали к солнцу прозрачные верхушки, и только у старой ели широкие ветви лежали совсем на земле.

Бойцы принесли Ларика домой. Глаза его были закрыты.

Барабан был с ним. Только палочки остались в лесу, там, где они выпали у Ларика из рук.

И барабан повесили на стену.

Он прогудел последний раз — громко и печально, будто прощаясь со своим славным боевым товарищем.

Вот что рассказав мальчику старый боевой барабан.

Мальчик тихонько слез со стула и на цыпочках вернулся в постель.

Он долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, будто он идёт по широкой красивой улице и крепко колотит в свой новый жёлтый барабанчик. Голос у барабанчика громкий, смелый, и они вместе поют любимую песенку Ларика:

Бам-бара-бам,
Бам-бара-бам,
Вперёд всех барабан,
Командир и барабанщик.

О Р Л Ё Н О К

Орлёнок, орлёнок, взлеті выше со́лнца
И стёпи с высот огляди!
Навёки умóлки весёлые хлопцы,
В живых я остáлся один.

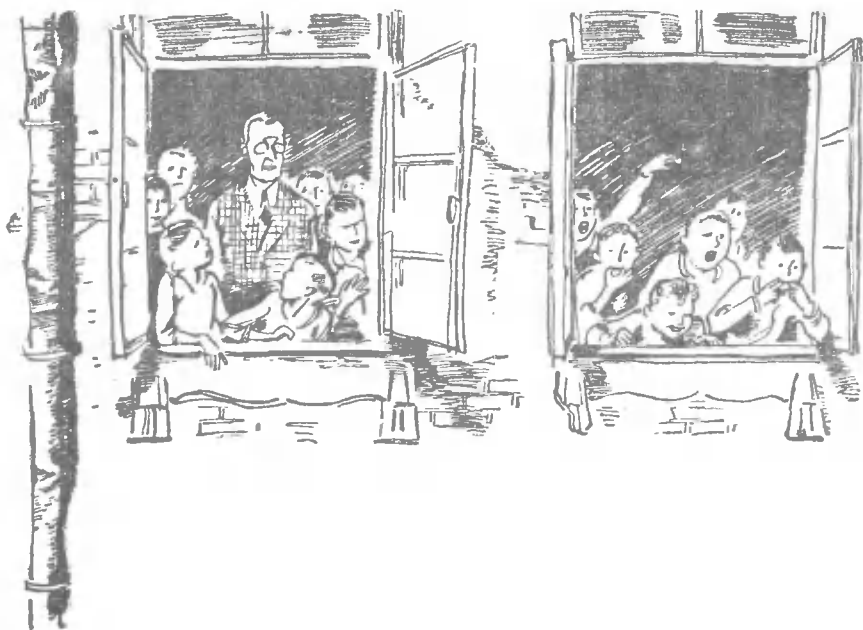
Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,
Собою затми бёлый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестна́дцать мальчишеских лет.

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранáтой
От со́пки врага́ отмелó.
Меня́ назывáли орлёнком в отряде,
Враги́ назывáют орло́м.

Орлёнок, орлёнок, мой вёрный товарищ,
Ты видишь, что я уцелёл.
Леті на станицу, родимой расскажешь,
Как сына́ вели́ на расстрёл.

Орлёнок, орлёнок, товарищ крылатый,
Далёкие стёпи в огне́.
На по́мощь спешáт комсомо́льцы-орля́та,
И жизнь возвратится ко мне.

Орлёнок, орлёнок, идёт эшелóны,
Победа́ борьбóй решена́.
У вла́сти орли́ной орля́т миллиóны,
И на́ми горди́тся страна́.

Л. Пантелеев

ЗЕЛЁНЫЕ БЕРЕТЫ

События, о которых рассказывает писатель Л. Пантелеев, относятся к временам весьма отдалённым. После гражданской войны в нашей стране царили голод и разруха. Тысячи детей остались без крова и без родителей. Для этих беспризорных ребят Советская власть открывала интернаты, школы, колонии, детские дома. Но у молодой республики рабочих и крестьян не хватало средств. Ведь заводы и фабрики не работали, деревня была разорена...

Л. Пантелеев в те годы тоже был беспризорным, он воспитывался в ленинградской школе-коммуны имени Достоевского, или в «Шкиде», как сокращённо называли эту школу её вос-

питанники. Обо всём этом можно узнать из самого рассказа. А ещё подробнее жизнь и приключения шкидцев описаны в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид».

Я никогда не был пионером, хотя по возрасту вполне мог не один год, а даже несколько лет носить красный галстук. И мало того, что я сам не состоял в пионерской организации, — какое-то время я считал всех юных пионеров своими смертельными врагами.

Вот как это получилось.

В то лето Шкида почему-то не поехала на дачу. Всё лето мы томились в городе.

Помню знойный июньский день, послеобеденный час, когда все окна во всех классах и спальнях настежь распахнуты и всё-таки в помещениях нечем дышать. Озверелые от жары шкидцы, те, что за «хорошее» поведение оставлены без отпусков и прогулок, слоняются из комнаты в комнату, пытаются читать, лениво перекидываются в карты и на чём свет стоит ругают халдеев, по чьей милости они сидят в этот душный солнечный день взаперти.

Эх, хоть бы дождь пошёл, хоть бы гром загремел, что ли!..

И вдруг — что такое? Кажется, и в самом деле гром? Нет, это не гром. Но за окнами что-то рокочет, погромыхивает, приближается... Постойте, братцы, да это же барабан!.. Барабанная дробь! Откуда? Что? Почему?

И тут мы слышим в соседней комнате, в столовой, чей-то ликующий голос:

— Ребята! Ребята! Зейкайте! Бойскауты идут!

Мы кинулись к окнам. Облепили подоконники.

По Петербургскому проспекту — от Обводного канала к Фонтанке — не очень четким строевым шагом двигались под барабанную дробь человек тридцать мальчиков и девочек, в белых рубашках, в синих коротких штанах и юбках и с красными галстуками на шее. Под мышками они держали (как

дёржат охотники ружья — дулом вниз) «посохи» — длинные круглые палки, с какими ещё недавно по петроградским улицам разгуливали бойскауты. Только начальник этих ребят, длинноногий парень с бритой наголо головой, был без посоха, да маленький барабанщик, шагавший впереди всех, да знаменосец, выступавший за ним следом. На красном бархатном полотнище знамени мы разглядели слова:

«...завода «Красная Бавария».

Конечно, любоваться этим зрелищем молча шкидцы не могли. Не успел барабан приблизиться к нашим окнам, как кто-то из старшекласников оглушительно свистнул. Из соседнего окна закричали:

— Дю!..

— Дю! Дю! — подхватили на всех шести подоконниках.

Белые рубахи продолжали свой мерный шаг, только маленький барабанщик, оглушённый разбойничьим свистом, вздрогнул, споткнулся и испуганно взглянул на наши окна.

— Эй, ты! Отставной козы барабанщик! — загоготали шкидцы. — Гляди, бубен свой потеряешь!

— Эй вы, голоногие!

— Гогочки!

— Голоштанники!

— Бойскауты недорезанные!..

Но тут за спиной у себя мы услышали гневный окрик:

— Это что за безобразие?! Сию же минуту вон с подоконников!

В дверях класса, грозно поблёскивая стёклами пенсне, стоял Викниксор. Однако на этот раз ни этот блеск, ни сердитый голос нашего президента не произвели на нас сильного впечатления.

— Виктор Николаевич! — позвал Янкель. — Идите сюда, посмотрите! Бойскауты идут!

Недовёрчиво усмехнувшись, Викниксор подошёл, ребята посторонились, и он, наклонившись, выглянул на улицу.

— Полно вам, какие это бойскауты! — сказал он. — Это не скауты, это юные пионеры.

Для мно́гих из нас это́ было совсе́м но́вое, неслы́ханное сло́во.

Бараба́н стуча́л все́ тише и глу́ше, отря́д голоно́гих приближа́лся уже́, вероятно, к Кали́нкину мосту́, а мы обступили́ Викниксо́ра и наперебёй расспра́шивали его́: что это́ за но́вость та́кая — юные пионе́ры?

— Юные пионе́ры — это́ неда́вно со́зданная де́тская коммунистическая организа́ция,— говори́л Викниксо́р.— Пионе́р — это́ значи́т: следопы́т, первооткрыва́тель, разведчи́к... Если вы не забы́ли Фенимо́ра Ку́пера, объясня́ть вам не на́до...

Нет, мы, коне́чно, не забы́ли Фенимо́ра Ку́пера. Но Ку́пер был тут ни при чём. И бойска́уты то́же. Мы по́няли, что э́ти ребята́, над кото́рыми мы то́лько что так ди́ко смея́лись и вслед кото́рым так неисто́во улюлю́кали,— на́ши, советские ребята́. Ста́ло ли нам сты́дно, не скажу́, но по́мню то́лько, что нам са́мим стра́шно захоте́лось повяза́ться га́лстуками и са́лками в рука́х пройти́ по у́лицам.

И вот за у́жином, когда́, набив́ живото́й пше́нной ка́шей, мы допива́ли жиденькое, без моло́ка и без са́хара кака́о, встал Ко́лька Цыга́н и попроси́л сло́ва.

— Викто́р Никола́евич,— сказа́л он,— а нельзя́ ли и у нас то́же организова́ть отря́д юных пионе́ров?

Викниксо́р нахму́рился и зашага́л по столо́вой.

— Нет, ребята́,— сказа́л он по́сле па́узы,— у нас нельзя́.

— Почему́?

— А пото́му, что шко́ла у нас, как вы зна́ете, тюре́много или, точнее́ сказа́ть, полутюре́много типа́...

— Ага́!.. Поня́тно! Ры́лом не вы́шли! — крикну́л кто́-то за столо́м четвёртого отде́ления.

Викниксо́р поверну́лся и поиско́л глаза́ми виновного́.

— Е́нин, вы́йди из столо́вой,— сказа́л он.

— За что? — взъере́пенился Япо́нчик.

— Вы́йди из столо́вой,— повтори́л Викниксо́р.

— За что, я спра́шиваю?

— За гру́бость.

— За ка́кую гру́бость?! Я же, Викто́р Никола́евич, не про

вас сказа́л — ры́лом не вы́шли. Это не вы, это мы ры́лом не вы́шли.

— Е́онин, имее́шь замечáние в «Лéтописи», — так же невозмутимо объявил завшкóлой и, обращáясь к воспитáнникам, продолжа́л: — Нет, ребята, как я ужé объясни́л вам, мы, к сожалéнию, не имеем прáва основáть у себя́ в шкóле ни комсомóльскую организáцию, ни пионёрскую...

На эту тéму, как, впрóчем, и на всякую другую, Викниксóр мог говорíть часáми. Он дóлго растолкóвывал нам, почему́ мы, бывшие правонарушители, беспризóрники, хулигáны, поджигáтели и бродя́ги, не имеем прáва состоять дáже в дётской политíческой организáции. Но мы не слúшали Викниксóра. Нам было́ неинтерéсно.

«Лáдно, — думали мы. — Чего́ там. Нельзá так нельзá — не привыкáть. Máло ли чего́ не разрешено́ дéлать нам, трудно-воспиту́емым шкéтам. Жíли без гáлстукóв, проживём без них и дáльше...»

Все мы бы́стро успоко́ились, и тóлько Япóнец, кóторому и в сáмом дéле влепи́ли замечáние в «Лéтопись», ещё бóльше озли́лся и на халдеев и на пионéров. Сто́ило ему́ тепérь уви́деть из окнá или на прогу́лке парни́шку с крáсным гáлстукóм, как Япóнец теря́л остáтки самообладáния и наки́дывался на ю́ного пионéра со всем пы́лом, на ка́кой тóлько был спосо́бен. Врать не бóду — ча́сто и мы не отстава́ли от нáшего товáрища. Мóжет быть, тут игра́ла роль зáвисть, то, что мы «ры́лом не вы́шли», а мóжет быть, прóсто мы бы́ли в то вре́мя сорванца́ми, кóторые тóлько и ждут слúчая, чтóбы затéять дра́ку или перебра́нку.

Одна́жды в воскресéнье мы отпра́вились всей шкóлой на прогу́лку в Екaтерингóф. Не зная́, что там сейча́с, а в нáше вре́мя это был дово́льно большóй и дово́льно парши́вый, грязный и запущенный парк. Чéрез парк протека́ла речóнка Екaтерингóфка, а подáльше было́ чтó-то врóде увеселительного са́да с мáленьким ресторáнчиком и с дощáтой эстра́дой, где по вечера́м выступáли борцы́, куплетíсты, фо́кусники и жонглёры. Днём эстра́да не рабóтала, сад был откры́т для всех

желающих, и мы, помню, всегда устремлялись в первую очередь именно туда, потому что в саду, на его посыпанных жёлтым песочком дорожках, в любое время дня и ночи можно было разжиться приличным окурком.

Но на этот раз нас ожидало в саду нечто куда более интересное, чем недокуренные нэпманские «Сафó» и «Зефýр» № 6. Неподалёку от входа, под открытым небом, за столиком буфета сидел и пил пиво могучего сложения усатый человек в просторном чесучовом костюме. Увидев этого богатыря, мы замерли. Кому из нас не приходилось видеть его — если не в кино, не в цирке и не на эстраде, то хотя бы на афишах и фотографиях! Да, сомнений не было, перед нами сидел «русский богатырь» Иван Поддубный, чемпион России по борьбе и поднятню тяжестей.

Окружив столик, мы застыли в благоговейном молчании. А он не смотрел на нас — привык, вероятно, к тому, что на него постоянно глазёют, — отхлёбывал из кружки пиво и лениво заедал его мочёным горбóхом.

Помню, мы обратили внимание, что железный стул, на котором сидел Поддубный, дюйма на четыре ушёл в песок и продолжает туда погружаться.

— Весь уйдёт, — прошептал одноглазый Мамочка.

— Не... весь не уйдёт, — так же шёпотом ответил Купец.

Завязывалось интересное пари. Но состояться ему было не суждено. Именно в эту минуту мы услышали у себя за спиной душераздирающий вопль, оглянулись и увидели первоклассника Якушку, который со всех ног мчался от садовой калитки по направлению к нам. Он бежал, нелепо размахивая руками, и тоненьким голосом кричал:

— Ребята! Ребята! Скорей! Бегите! Пионеры Япончика бьют!..

Мы ахнули, переглянулись и, забыв Ивана Поддубного, с диким боевым кличем кинулись туда, куда указывал нам путь маленький Яковлев.

Он привёл нас на берег Екатерингофки. И мы увидели такбе, что заставило нас заскрипеть зубами.

Тщедушный Япончик катался по траве в обнимку с таким же тщедушным пареньком в пионерской форме, а несколько других пионеров кидались к нему, пытаясь оттащить его или ударить. Нам некогда было рассматривать, что там происходит, кто прав и кто виноват.

Раздался грубый голос Купца:

— Сволочи! Наших бить?!

И, зарывав, мы ринулись на выручку Японца.

Позже мы узнали, как было дело. Придя вместе со всеми в Екатерингоф, Японец в сад не пошёл, а свернул в сторону и направился в свои любимые места — на берег речушки, где под сёной серебристой разлапистой ивы, среди пыльных лопухов и облетелых одуванчиков так славно всегда мечталось и думалось. За поясом у Японца были припрятаны книга и тетрадка, он рассчитывал посидеть, почитать, посочинять стихи... И вдруг он приходит и видит, что на его месте, у той самой плакучей ивы, где он столько раз сидел и мечтал, стоит, вытянувшись, как солдат, и приставив к ногё, как ружьё, посох, какой-то карапет с пионерским галстуком.

Япошка остановился и впери́л в пионера гневный гипнотический взгляд. Это не подействовало, тот продолжал стоять, как истукан.

Тогда Японец спросил, что ему здесь надо.

Пионер не только не ответил, но и бровью не повёл. Потом-то выяснилось, что у них тут происходила какая-то военная игра и этот парень стоял на часах, а часовому, как известно, разговаривать с посторонними не полагается. Но Японец знать этого не мог. В первую минуту он опешил, потом рассвирепел, а потом, увидев, что перед ним стоит не человек, а статуя, осмелел и стал задевать пионера. После он клялся нам, будто не трогал этого парня, а только «словесно пикировал» его. Но мы-то хорошо знали остроту Япошкиного языка и понимали, каково было пионеру от этой пикировки.

Одним словом, дело кончилось тем, что пионер слушал-слу-

шал, терпёл-терпёл и наконец не вытерпел, оглянулся и без лишних слов хрястнул Японца своим посохом по шее.

Японец не отличался ни силой, ни храбростью, драться не умёл и не любил, но тут то ли пионерский посох оказался чересчур крепким, то ли противник выглядел не таким уж страшным, только Японец не стал раздумывать, кинулся на маленького часового, сбил его с ног и стал дубасить своими жиденькими кулачками. Пионер по мере сил отвечал на удары. До последней минуты этот мужественный человек помнил, по-видимому, что он часовый, и дрался молча. Но когда Японец подобрался к его шее и стал душить его, часовый не выдержал, поднял голову и стал звать на помощь. Примчались другие пионеры, кинулись их разнимать. На шум прибежал гулявший поблизости Якушка. Через минуту появились мы.

Не зная, чем бы всё кончилось и какие размеры приняло бы это екатерингофское побоище, если бы на горизонте не возник длинноногий пионерский вождь. Мы услышали трель его футбольного свистка и тут же увидели, как он мчится к реке на своих длинных, как у страуса, ногах.

— Ша! Ша! — кричал он, размахивая длинными руками. — Ребята, ша! Что тут происходит? Ша, я говорю!!

Пионеры оторвались от нападающих шкидцев, сбились в кучу.

— Костя, Костя, мы не виноваты! — загорлалили они на перебой. — Это приютские на нас напали...

— Что-о-о?! — закричал он и повернулся — не к нам, а к своим пионерам. — Какие ещё «приютские»? Что за выражение — «приютские»? Вы что, где — при капитализме живёте?.. А ну, ребята, отсекните, — повернулся он к нам. — Живо!.. Кому я сказал? Чтобы ноги вашей здесь не было...

Мы поняли его и почему-то беспрекословно послушались: повернулись и зашагали прочь.

И тут мы увидели нашу воспитательницу Элланлюм. Из-за кустов выглядывало её красное, распаренное и разгневанное лицо. Как выяснилось, она всё или почти всё видела.

— Хороши! — сказала она, когда мы приблизились к ку-

ста́м.— Нече́го сказа́ть, хороши́! Фу! Стыд! Позо́р! Несмыва́емый позо́р на весь райо́н! Ра́зве с ва́ми мо́жно ходи́ть в публичны́е места́? С ва́ми то́лько на необита́емый о́стров мо́жно ходи́ть!

И, прика́зав нам построи́ться, Элланлю́м объя́вила:

— А ну, бы́стро в шко́лу! Обо́ всём бу́дет до́лжно Викто́ру Никола́евичу.

Ма́ло того́, что мы должны́ бы́ли ра́ньше вре́мени прерва́ть прогу́лку, не собра́в ни одно́го оку́рка, не догляде́в Поддубно́го и не насладивши́сь други́ми преле́стями Екате́ринго́фа,— нам ещё, о́ка́зывается, грози́л крупный разгово́р с Викниксо́ром.

Всю доро́гу мы ворча́ли на Япо́нца. И он виновато́ усме́хался, шмы́гал но́сом и дрожа́щим от волне́ния го́лосом пыта́лся объясни́ть нам, что он не виноват, что он то́лько «сло́весно пики́ровал», а дра́ться и не ду́мал с э́тим голоно́гим...

Не зна́ю, что случи́лось: то ли Элланлю́м не доложи́ла всё-таки заве́дующему о дра́ке, то ли Викниксо́р из ка́ких-то вы́сших педаго́гических соображе́ний реши́л не дава́ть э́тому де́лу дальне́йшего хо́да, то́лько крупный разгово́р ме́жду на́ми так и не состоя́лся.

За́то состоя́лся друго́й разгово́р. По́сле у́жина Япо́нец разыска́л Пантелее́за и Янке́ля. Уедини́вшись в ве́рхней убо́рной, сла́мщики¹ поси́живали там и кури́ли на дво́их оди́н «чинáрик».

— Реба́та,— обрати́лся к ним Япо́нец ка́ким-то необы́кновенным, торже́ственным го́лосом,— у меня́ к вам серьёзный разгово́р.

— Вали́,— отве́тил не́сколько удиви́ленный Янке́ль.

— Нет, то́лько не здесь.

— А что? Та́йна?

— Да. Разгово́р конфи́денциальный. Дава́йте пройде́м в Бе́лый зал, там, ка́жется, сейча́с никогó нет.

---

¹ Сла́ма — так называ́лся у беспризо́рных сою́з, заклю́чавшийся ме́жду двумя́ друзья́ми. Сла́мщики должны́ бы́ли все́м де́литься ме́жду собо́й, защища́ть друг дру́га и помога́ть друг дру́гу в бе́де.

Заинтригованные слэмщики сделали по последней затяжке, заплевали окурок и спустились вслед за Японцем вниз. В дверях Бѣлого зала Япо́нец огляну́лся и сказа́л:

— То́лько предупрежда́ю: не трепать́ся.

В са́мом да́льном углу́ зала он ещё раз огляну́лся, посмотре́л да́же для чего́-то на потоло́к и то́лько по́сле всех э́тих мер предосторо́жности сказа́л:

— Вот кака́я у меня́ иде́я! Я мно́го ду́мал и пришѐл к тако́му решѣ́нию: е́сли мы не имѣем пра́ва лега́льно организова́ть у себя́ комсомо́льскую и́ли пионе́рскую яче́йку, зна́чит...

— Зна́чит? — насто́рожился Янкель.

— Са́мая элементарна́я ло́гика подсказывает, что, е́сли нельзя́ лега́льную, зна́чит, нам оста́ется основа́ть нелега́льную.

— Что — нелега́льную? — не по́нял Пантелѣев.

— Нелега́льную организа́цию.

— Какую́ организа́цию?

— Юношескую... коммунистическую...

Шки́дцы перегляну́лись. Хмы́кнули. Улыбну́лись. Иде́я я́вно понравилась.

— А нам по ша́пке не даду́т? — сказа́л, поду́мав, Янкель.

— А у тебя́ что, така́я уж роско́шная ша́пка? От нас зави́сит, что́бы организа́ция была́ хорошо́ законспи́рирована...

При та́ких обстоя́тельствах роди́лся Юнко́м, подпо́льная организа́ция Юных коммуна́ров. Э́то собы́тие дави́о уже́ вошло́ в исто́рию респу́блики Шки́д, о нём пове́дано ми́ру на дру́гих страни́цах, и повто́ряться я не бу́ду.

Напо́мню то́лько, что при вступле́нии в организа́цию ка́ждый но́вый член до́лжен был дава́ть кля́тву, обяза́ваясь молча́ть и не выдава́ть това́рищей. Принима́ли в организа́цию не всех. Пре́жде чем быть приня́тым, ну́жно бы́ло пройти́ серьёзное испытáние.

Не́сколько раз в неде́лю собира́лись юнко́мовцы гдѣ-нибу́дь в разва́линах ста́рого фли́геля и́ли в забро́шенной швейца́рской под пара́дной ле́стницей и при жидком свѣ́те свечного́ огарка ве́ли конспирати́вные заня́тия. В подпо́льных кружка́х мы изуча́ли исто́рию Коммунистической па́ртии и междуна-

рѳдного революціѳнного движенія. Изучали истѳрію комсомола. Начали даже изучать политическую экѳномию.

Лѳкціи нам читал сáмый начитанный из нас — Жѳрка Япѳнец, и, говоря по правде, чáсто мы слúшали егѳ гѳрázдо внимáтельнее, чем нѳкоторых нáших педагогов.

Мы бýли счáстливы. Мы ходили по землѳ, преиспѳлненные гѳрдѳсти от сознáния, что за плечáми у нас — стрáшная, волнóущая тáйна.

Кѳгда под ѳкнами нáшего клáсса проходил тепѳрь под барабáнную дробь пиѳнѳрский отряд с завода «Крáсная Бавáрия» или с «Путѳловца», мы не свистѳли, не смеялись, не улюлѳкали. Мы мѳлча, свѳрху вниз (и не тѳлько потому, что смотрѳли из ѳкон, а онѳ шагáли по úлице) взирали на них, переглядывались и снисходительно ухмылялись.

«Тѳпайте, тѳпайте, братѳшечки,— думали мы.— Навѳдите, пожáлуйста, скѳлько угѳдно фасѳна вáшими гáлстуками и пáлочками. У вас, мѳлые дѳтки, ѳто всѳ игрá, забáва, а у нас...»

«Эх, знáли бы онѳ!» — думали мы. И, по правде сказать, нам ѳчень хотѳлось, чтѳбы онѳ знáли. Но пиѳнѳры, конѳчно, до порѳ до врѳмени знать ничегѳ не могли, хотя, как вѳяснилось потѳм, ѳчень хорошѳ пѳмнили о нáшем существованіи.

А вѳяснилось ѳто таким ѳбразом. Одрáжды вѳчером нѳсколько старшеклáсников — Янкель, Купѳц, Пантелѳев и Мáмочка,— получив разрешѳние дежурного воспитáтеля, отправились в кино. Не успѳла ѳта четвѳрка вѳйти на úлицу и не успѳл двѳрник Мефтахудын закрыть за ними желѳзные ворота, как с противоположной стороны Курляндской úлицы ребята окликнули:

— Эй, достоѳвские!

Навстрѳчу шкѳдцáм шли два паренькá и однá девчѳнка в пиѳнѳрских гáлстуках. Шкѳдцы переглянóлись и нерешѳтельно двинулись навстрѳчу.

На середѳне мостѳвѳй те и другѳе сошлись.

— Мы к вам,— сказáла девчѳнка.

— Мерси! Бонжур! Силь ву плѳ,— ѳвѳтил Янкель, гáлáнтно расклáниваясь и шáрка вѳсѳй ногѳй.

— Чем мы заслужили такую честь? — пробасил Купец, тоже делая какой-то мушкетёрский жест.

— Ладно, бросьте трепаться, — сказала пионерка. Она была чуть постарше и чуть повыше своих спутников. — Мы пришли по делу, — сказала она. — Только к вам очень трудно попасть. Стоим уже минут сорок.

— У вас всё равно как... — начал один из пионеров, самый маленький, с белобрысым хохолком.

Но девчонка так ловко и так сильно пырнула его в бок, что он ёкнул и осёкся. Мы поняли, о чём хотел сказать белобрысый: будто у нас как в тюрьме.

— Да, вы правы, сэр, — повернулся к нему Янкель. — К нам попасть нелегко. У нас привилегированное закрытое учебное заведение. Вроде Кембриджа или Оксфорда. Слыхали о таких?

— Ребята, мы к вам не шутки шутить пришли, а по делу, — сердито сказала девчонка. — Вы можете говорить по-человечески?

— О, миледи, сделайте одолжение! — воскликнул Янкель.

— Тогда слушайте! Мы хотим взять над вами шефство и помочь вам организовать в вашем интернате пионерскую дружину.

Трепливое настроение сразу оставило шкидцев.

— Шефство? — переспросил Янкель, поскрёбывая в затылке... — Гм. Да. Это интересно. Но, между прочим, у нас уже есть шефы — Торговый порт.

— Да? А пионеры? Почему же вам шефы не помогли организовать пионерскую дружину? Мы лично вам с удовольствием поможем.

Что мы могли сказать этой девчонке? Что мы не имеем права состоять в детской политической организации? Что мы — малолетние преступники? Что у нас детдом с полутюремным режимом?

И тут нас выручил Мамочка. Вообще-то он, конечно, совершил преступление. Он нарушил или вот-вот готов был нарушить клятву.

— Спасібо, цыпочка! — пропища́л он, игри́во подми́гивая пионе́рке своим еди́нственным гла́зом.— Спасібо... У нас уже́ есть.

Шки́дцы похолоде́ли. Все взгля́ды устреми́лись на Ма́мочку.

— Что у вас есть? — не поняла́ пионе́рка.

— Что на́до, то и есть,— так же коке́тливо отве́тил Ма́мочка.

— Пионе́рская организа́ция? Дру́жина?

Ма́мочка метну́л расте́рянный взгля́д на това́рищей. Но сейча́с на него́ смотре́ли не това́рищи, а три хи́щных зве́ря.

— Я спра́шиваю: у вас что — пионе́рская организа́ция есть?

— Ага,— с трудо́м выдавил из себя́ Ма́мочка.— Вро́де. Шки́дцы заволнова́лись.

— Ребя́та, пошли́, опа́здываем,— сказа́л Янкель.

И, помахав пионе́рам руко́й, он пе́рвый зашага́л в сто́рону Пе́терго́фского проспéкта.

За углу́м шки́дцы остано́вились. Купе́ц гро́зно отка́шлялся.

— Ну, Ма́мочка,— сказа́л он по́сле злове́щей па́узы,— име́ешь.

— За что? — пролепетáл Ма́мочка.— Я же ниче́го не сказа́л. Я то́лько сказа́л «вро́де»...

Обсудив на ходу́ э́тот вопро́с, мы реши́ли, что Ма́мочка заслужи́л поща́ду. Ведь, в конце́ концо́в, он и в са́мом де́ле спас нас, вы́ручил из о́чень трудо́ного положéния. А крóме то́го, мы о́чень спешили́ в кино́. И, посоветáвшись, мы реши́ли проявить на э́тот раз снисхожде́ние и прости́ли Ма́мочку.

А дня́ че́рез два на́ша подпо́льная организа́ция са́мым глúпым о́бразом провали́лась. Дво́рник Мефтахуди́н, обходя́ по́здно ве́чером шко́льную террито́рию, заме́тил в разва́линах фли́геля блéдный дрожа́щий огонёк, услы́шал доно́сившиеся из-под ле́стницы глу́хие голосо́а и, реши́в, что в разва́линах но́чуют банди́ты, со всех ног кину́лся за по́мощью к Викниксо́ру.

Таким образом вся наша маленькая организация была захвачена на месте. Ни одному подпольщику не удалось скрыться.

Мы ждали жестокой расправы. Но расправы не последовало. Тщательно обдумав этот вопрос и обсудив его на педагогическом совете, Викниксёр разрешил нашей организации легальное существование.

И вот наш Юнкóm из тёмного подполья вышел на солнечный свет...

Мы получили помещение — комнату, где находился раньше школьный музей. У нас появилась своя газета. Число членов Юнкóма стало расти. Были утверждены новый устав и новая программа. Был избран центральный комитет. Открылась юнкóмовская читальня.

Единственное, чего мы не имели — это формы. Даже галстуков или значков каких-нибудь у нас не было.

Но вот как-то вечером, когда мы кончали ужинать, в столовую бодрым и даже молодцеватым шагом вошёл Викниксёр. Уже по одному виду его можно было догадаться, что он собирается сообщить нам нечто весьма приятное. Так оно и оказалось. Походив по столовой и потрогав несколько раз мочку уха, Викниксёр остановился, внушительно кашлянул и торжественно объявил:

— Ребята! Могу вас порадовать. Мне удалось раздобыть для вас через губернский отдел народного образования двадцать пар брюк и почти столько же берётов.

— Каких?

— Куда?

— В кино?

— В какие? — загалдели шкидцы.

— Не билётов, а берётов, — с благодушной улыбкой поправил нас Викниксёр. — Бархатных берётов с ленточками... И главное — представьте себе! — оказалось, что эти ленточки — наших национальных цветов!

Мы дружно закричали «ура», хотя далеко не все поняли,

о каких ленточках и о каких национальных цветах говорит наш президент.

— Виктор Николаевич, — сказал, поднимаясь, Янкель, — а какие это наши национальные цвета?

— Эх, Черных, Черных, как тебе не совестно, братец! — добродушно ухмыльнулся Викниксёр. — Неужели ты не знаешь своего национального флага? Цвета подсолнуха: чёрный и оранжевый!

Мы были заинтригованы. Поднялся невероятный галдёж. Шкидцы в один голос требовали, чтобы им показали эти берёты с национальными ленточками цвета подсолнуха.

Улыбаясь, Викниксёр поднял руку.

— Хорошó, — сказал он. — Дежурный, поднимись, пожалуйста, навёрх и попроси у кастелянши от моего имени один берёт.

Через две минуты дежурный вернулся, и мы получили возможность воочию лицезреть этот оригинальный головной убор. Тёмно-зелёный бархатный или плюшевый берёт с мохнатым помпóнчиком на макушке был действительно украшен сбоку двумя короткими геóргиевскими ленточками.

Шкидцы молча и даже с некоторым страхом разглядывали и ощупывали это удивительное произведение швейного искусства, неизвестно как и откуда попавшее на склад губна-рóба. После того как берёт побывал на всех четырёх столах и снова очутился в руках Викниксёра, тот сказал:

— Таких берётов мне удалось, к сожалению, получить только семнадцать штук. На всех, увы, не хватит. Я прикинул, каким образом распределить их между вами, и пришёл к такому решению... Право носить берёты мы предоставим лучшим из лучших, нашим передовым, нашему авангарду — членам Юнкóма.

На этот раз никто не кричал «ура́», даже юнкóмовцы почему-то молчали, и никто не смотрел на них с завистью. Только какой-то новичок из второго отделения, обидевшись на Викниксёра, крикнул:

— А мы что, рыжие?

— Нет, Петракóв,— лáсково сказа́л Викниксо́р,— ты не ры́жий. Но ты ещё не заслужи́л чёсти состоя́ть в организа́ции Юных коммуна́ров. Добива́йся э́того, и в о́дин прекра́сный день ты то́же получи́шь пра́во носи́ть фо́рму.

Э́то сло́во заста́вило мно́гих из нас вздро́гнуть и насто́ро-
жи́ться.

— Ви́ктор Никола́евич,— подня́лся над сто́лом Купе́ц,— а что, ра́зве э́то обяза́тельно?..

— Что обяза́тельно?

— Носи́ть э́ти берё́тики?

— Да, Офенба́х... разуме́ется... как и вся́кую друго́ю фо́рму.

Мы я́сно предста́вили себё́ Купца́ в э́том де́тском голо́вном убо́рчике с ро́зовым помпо́ном на маку́шке, и нам ста́ло не по себё́. У мно́гих из нас появи́лись дурные предчу́вствия. И предчу́вствия э́ти, увы́, о́чень ско́ро оправда́лись.

В тот же ве́чер Купе́ц подошёл к Янкелю и Япо́нцу, обсу́жда́вшим очередно́й но́мер юнко́мовской газёты, и сказа́л:

— Вот что, робя́... Вычёркивайте меня́.

— Отку́да? Что? Почему́?

— Из Юнко́ма. Я выхо́жy, выпи́сываю́сь...

Напра́сно мы угова́ривали его́: решёние его́ бы́ло непоколе́бимо. Купе́ц наве́гда́ был утра́чен для на́шей организа́ции.

Остальны́е держа́лись бо́лее или ме́нее сто́йко.

Я говорю́ «бо́лее и́ли ме́нее», потому́ что ходи́ть по у́лицам в э́тих га́млетовских голо́вных убо́рах и в са́мом де́ле тре́бовало нема́лой сто́йкости и геро́йства. Осóбенно е́сли учёсть, что си́тцевые брё́ки, кото́рые раздобы́л для нас Викниксо́р, оказа́лись са́мых фантасти́ческих расцве́ток: голу́бые, све́тло-зе-
ле́ные, кана́реечно-же́лтые...

Куда́ там пионе́рам с их корóткими штана́ми и кумачо́выми га́лстуками! К пионе́рам в го́роде ско́ро приви́кли. О́дни смотре́ли на них с го́рдостью и любо́вью, други́е — с затаё́нной ненави́стью. Что каса́ется юнко́мовцев, то к их фо́рме на-
селе́ние Петрогра́да приви́кнуть не могло́. Не́ было слу́чая, что́бы челове́к шёл по у́лице и, повстре́чавшись с юнко́мовцем,

не вздрóгнул, не оглянóлся и не сказа́л ему́ вслед что́-нибудь вроде: «Эва, как вы́рядился, дура́к!» или: «Ну и чу́чело с помпóнчиком!..»

Когда́ мы шли стрóем, было́ ещё тудá-сюда́ — в строю́ мы были́ солда́тами, мы чу́ствовали лóкоть сосéда,— идт́и же в одинóчку было́ нестерп́имой пы́ткой.

И не все́ эту́ пы́тку выде́рживали.

Не вы́держал её, ме́жду прóчим, и одногла́зый Ма́мочка.

Вот что случи́лось одна́жды в суббо́тний ве́чер.

Три шки́дца, три юнко́мовца, три чле́на центра́льного комите́та — Янкель, Япо́нец и Пантелёев, получи́в отпускны́е свиде́тельства, бо́дро и ве́село шага́ли по Петербу́рскому проспекту́ в сто́рону це́нтра. Не́сколько опереди́в их, на друго́й стороне́ у́лицы шёл Ма́мочка. Шёл он то́же дово́льно бы́стро и то́же был в юнко́мовском берёте, но берёт ему́ попался, как назло́, о́чень большо́й, плóский, так что шу́пленький Ма́мочка был похо́ж издали на како́ю-то сыро́ежку или пога́нку. Кто́-то из юнко́мовцев уви́дел его́, ребята́ посмея́лись, поостри́ли немно́жко на Ма́мочкин счёт и сно́ва увлекли́сь бесе́дой. Но тут Янкель, бро́сив рассе́янный взгляд на противополо́жный тротуа́р, вдруг остано́вился и воскли́кнул:

— Реба́та, постóйте, а где же Ма́мочка?

То́лько что Ма́мочка был, и его́ не ста́ло. Не́ было его́ ни впереди́, ни сза́ди, ни сле́ва, ни спра́ва. Среди́ бе́ла дня челове́к раство́рился, провали́лся сквозь зе́млю, превра́тился в невиди́мку.

С рази́нутыми рта́ми шки́дцы стоя́ли на краю́ тротуа́ра и смотре́ли. И тут их рази́нутые рты́ ещё бо́льше округли́лись. Реба́та уви́дели Ма́мочку. Он вы́шел из како́го-то подъёзда, воровато́ оглянóлся и бы́стро зашага́л, почти́ побежа́л к трамва́йной остано́вке. На стри́женной под маши́нку Ма́мочкиной голове́ черне́л узелóк всегда́шней его́ повя́зки. Берёта на голове́ не́ было. Он я́вно пере́кочевáл или́ в карма́н, или́ за па́зуху.

Юнко́мовцы мра́чно пере́гляну́лись.

— Хоро́ш гусь! — сквозь зу́бы проговори́л Япо́нец.

— Ах ты, ренегат паршивый! — воскликнул Янкель.

Не сговариваясь, юнко́мовцы ринулись за своим слабохарактерным товарищем, но он, словно ожидая или предчувствуя погоню, прибавил шагу, и не успели шкидцы окликнуть его, как Мамочка вскочил на колбасу только что тронувшегося трамвая и был таков.

Откровенно говоря, мы не имели права слишком строго судить его. В душе каждый из нас хорошо понимал Мамочку. Но мы были руководители, вожди, и мы не вправе были прощать трусость и малодушие.

— Судить! — воскликнул Янкель.

— Исключить! — изрёк Японец.

Третьему оставалось требовать разве что гильотины или расстрела.

Во всяком случае, в понедельник утром, по возвращении из отпуска, Мамочку ожидали весьма малопрятные вещи. Но в понедельник Мамочка в Шкиде не появился. Не вернулся он и во вторник. А в среду после обеда Викниксору позвонили по телефону из районного отделения милиции и сообщили, что его воспитанник Фёдоров Константин находится на лечении в хирургическом отделении Александровской городской больницы.

Взяв с собой двух старшеклассников, Викниксор сразу же поехал в больницу.

Мамочка лежал без сознания. Против обыкновения, повязка на его голове была не чёрная, а белая. Остренький Мамочкин носик ещё больше заострился, губы запеклись.

У Мамочкиной постели сидел и писал что-то в блокноте работник милиции. Из-под белого халата выглядывала чёрная кожаная тужурка и деревянная кобура маузера.

Когда мы узнали, что в субботу вечером Мамочку, избитого до бесчувствия, привезли в больницу с Покровского рынка, нам стало не по себе. За что могли избить на рынке тринадцатилетнего приютского парня? По опыту мы знали, что только за воровство. Недаром в те годы окрестная шпаня распевала песню:

На Английском у Покрówki
Стоят бабы, две торгówki,
И ругают напрапад
Достоевских всех ребят..

Да, немало соблазнов тайл в себе в те годы рынок, и немало было случаев, когда шкидцы, особенно новички, попадались на таких некрасивых занятиях, как бесплатное угощение орехами, яблоками, конфетами и т. п. Но — юнкомовец?! Авангард школы...

— Нет, нет,— успокоил Викниксора сотрудник милиции,— ни о каком воровстве и речи быть не может...

То, что случилось с Мамочкой на Покровском рынке, случилось тогда в городе довольно широкую огласку. Была даже статья в одной из петроградских газет, кажется, в «Смене».

Держа путь на Малую Подъяческую, где проживал его старший семейный брат, Мамочка проходил через Покровку. Пошел он прямо через рынок, наверное для того, чтобы сократить путь. В этот день брат обещал повести его в цирк, и Мамочка боялся опоздать.

Рынок уже закрывался, народ расходился, торговцы складывали свой ларь и навесы.

И тут Мамочка увидел такое, что заставило его мигом забыть и о цирке, и о брате, и обо всем на свете.

Три молодых непмана, три красномордых подвыпивших мясника, обступили большой решетчатый ларь, в каких обычно торговцы держат арбузы, капусту или живую домашнюю птицу, и с диким пьяным хохотом тыкали в этот ящик палками и растрепанной дворницкой метлой.

— А ну говори, сопляк! — рычал один из них, самый краснощекий, высокий, в рыжем, замаранном кровью фартуке.— Говори... повторяй за мной: «Я индюк — красные сопли»...

Мамочка подошел ближе и с ужасом увидел, что в ящике, скорчившись, в неудобном положении сидит маленький белобрый паренек в изодранной белой рубашке и в сбитом на стору на красном галстуке. В этом пацане Мамочка без труда

узна́л одного́ из тех, кто приходи́л в Шкѣду брать над ними ше́фство.

— А ну повторяй! — наседа́ли на ма́льчика ры́ночники.— Повторяй, тебе́ говорят: «Я инди́ок — краси́вые со́пли... отрека́юсь...»

— Отпусти́те меня́! Я же опáздываю! — сде́рживая слёзы, из послéдних сил проси́л ма́льчик.

— Отрека́йся, паску́да, ху́же бу́дет! А ну!..

И грязная метла́ сно́ва полéзла в лицо́ ма́льчику.

Ма́мочка не мог бо́льше споко́йно смотре́ть.

— Вы что де́лаете, свóлочи?! — закрича́л он, кидáясь к мясни́кам.

Торго́вцы огляну́лись и ви́таращили глаза́.

— А э́то что ещё за козя́вка?

— Вы что, я говорю́, измыва́етесь над па́рнем? Ду́маете, бо́льшие, так мо́жно?!

— Ах ты, лягу́ха безгла́зая! — зарыча́л дети́на в фа́ртуке.— Ты что, то́же в ящи́к захоте́л? А ну дава́й лезь за компáнию!

И он протяну́л свою́ то́лстую волоса́тую ру́ку, что́бы схвати́ть Ма́мочку за шиворот. Но Ма́мочка был не из таки́х. Он

успёл больно укусить мясника за руку, отскочил в сторону, развернулся и изо всех сил лягнул своего противника босой пяткой в живот.

Дальнейшего, как говорится, Мамочка не запомнил.

Три дюжих мясника-ярославца избili его так, что на нём живого места не осталось. В больницу Мамочку привезли почти без пульса. И в течение суток врачи не знали, выживет ли он или нет.

Никаких документов при Мамочке не нашли. Только на третий день агент угрозыска, изучая Мамочкину одежду, обнаружил в кармане ярко-жёлтых штанов зелёный бархатный берёт, а в подкладке этого берёта — сложенное в восемь раз удостоверение, из коего следовало, что Фёдоров Константин, 13 лет, воспитанник петроградской Школы социально-индивидуального воспитания имени Ф. М. Достоевского, направляется в домашний отпуск до 9 часов утра 14 августа 1922 года.

Спасибо докторам и сиделкам Александровской городской больницы. Они выходили Мамочку, спасли ему жизнь.

Признаться, я совсем не помню, как и когда Мамочка вернулся в Шкиду. Кажется, после больницы он несколько недель провёл дома, у брата. Не помню я также, что сделали с мясниками. Знаю, что их судили и осудили. Но как и на сколько — врать не хочу, не запомнил. Сказать по правде, нам тогда было не до этого: Юнком переживал смутные времена, начались раздоры в комитете и история с Мамочкой как-то сама собой отошла на задний план.

Но вот что мне хорошо запомнилось.

Славный сентябрьский денёк. В классе четвертого отделения идёт урок древней истории. Поскрипывая своими старыми, порыжелыми сапожками, Викниксёр расхаживает по классу и с упоением повествует о немёркнущих подвигах спартанских воинов. Среди нас находится и Мамочка. Он сидит на своём обычном месте, на «камчатке». Место это Мамочка упорно обороняет уже не первый год. Сколько ни уговаривают

его халдѣи пересѣсть поближе, он откѣзывается, уверяет, что на задней партѣ ему лучше видно. Но «что» ему лучше видно, об этом он, конечно, умалчивает. Всё дело в том, что Мамочка — зайдлый картѣжник...

День солнечный, мягкий. За раскрытыми окнами позванивают трамваи, гроыхают тяжѣлые качки ломовиков, цокают копыта, с противоположного тротуара доносятся выкрики торговки семечками... Для нас все эти шумы сливаются в один однообразный рокот.

Но вот в эту скучную музыку улицы врывается что-то новое. Постойте, да это же, кажется, гром гремит! Нет, это не гром, это стучит барабан. Да, да, барабанная дробь. Она всё ближе, ближе, она уже совсем близко, и вот, перекрывая барабан, на всю улицу, на весь город запел пионерский горн.

Нам уже не сиделось и не слушалось. С мольбой мы устались на Викниксора:

— Виктор Николаевич, можно?

Викниксор походил по классу, потрогал морду уха, похмурился, пожевал губами.

— Можно, — сказал он.

Мы бросились к окнам, облепили, как мухи, подоконники.

По улице от Обводного канала в сторону Калинин моста шли пионеры. Это был тот же, знакомый нам отряд с завода «Красная Бавария», но теперь пионеров стало гораздо больше.

Барабан выстукивал четкую дробь, ребята по-солдатски отбивали шаг, пел, заливался серебряный горн и пламенно, огненно горело над головами юных пионеров вишневое полотнище знамени.

На этот раз мы лежали совсем тихо.

А пионеры поравнялись с нашими окнами, и вдруг их долгозвонный вожатый забежал немножко вперед, повернулся лицом к отряду и взмахнул рукой. Барабан и горн одновременно смолкли, и все пионеры — а их было уже человек сто — разом повернули головы в нашу сторону и, не сбивая шага, три раза подряд громко и дружно прокричали:

— Ур-ра!

— Ур-ра!

— Ур-ра!!

Ошеломлённые, мы застыли на своих подоконниках.

И тут Янкель оглянулся и сказал:

— Мамочка, дитя моё, а ты ведь знаешь — эти овации относятся к твоей особе.

Мамочка удивился, покраснел, вытянул шею и вдруг узнал в барабанщике, который всё ещё держал палочки поднятыми над барабаном, того самого белобрысого паренька с Покровского рынка. Не знаю, что почувствовал в эту минуту Мамочка. Но он понял, вероятно, что от него ждут какого-то отклика. И, покраснев ещё гуще, он свесился вниз и крикнул своим писклявым, хриплым, не окрепшим после болезни голосом:

— Эй ты, голоногий, бубен потеряешь!..

После кое-кто уверял, что Мамочка дурак. Нет, дураком он, пожалуй, не был. Просто он был настоящий шкидец, не умел нежничать и не нашёл никакого другого способа выразить свои чувства.

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

Грозбою освежённый,
Подрагивает лист.
Ах, пёночки зелёной
Двухоборóтный свист!

Вáля, Валенти́на,
Что с тобо́й тепе́рь?
Бе́лая пала́та.
Кра́шенная дверь.
То́ныше паути́ны
Из-под ко́жи ще́к
Тле́ет скарлати́ны
Сме́ртный огонёк.
Говори́ть не мо́жешь —
Гу́бы горячи́.
Над тобо́й колдуют
Умные вра́чи.
Гла́дят бе́дный ёжик
Стри́женных волос́.
Вáля, Валенти́на,
Что с тобо́й стре́слось?
Во́здух воспа́лённый.
Че́рная трава́.
Почему́ от зно́я
Но́ет голо́ва?
Почему́ тесни́тся
В подъязы́чье стон?
Почему́ ресни́цы
Обдува́ет сон?
Две́ри отворя́ются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобо́й скло́няется
Пла́чущая ма́ть:
«Вáленька, Вáлюша!

Тя́гостно в избѣ.
Я крестильный крѣстикъ
Принесла́ тебѣ.
Всѣ хозяйство бро́шено,
Не попра́вишь враз,
Грязь не по-хоро́шему
В го́рницах у нас.
Ку́ры не закры́ты,
Свинья́ без коры́та,
И мы́чит коро́ва
С го́лоду серди́то.
Не проти́всья ж, Ва́ленька,
Он тебѣ не съест,
Золоче́ный, ма́ленький,
Твой крестильный крест».

На ще́кѣ помя́той
Дли́нная слеза́.
А в больни́чных о́кнах
Дви́жется гроза́.

Открыва́ет Ва́ля
Сму́тные глаза́.

От морей реву́чих
Па́смурной страны́
Наплыва́ют ту́чи,
Ливня́ми полны́.

Над больни́чным са́дом,
Вы́тянувшись в ряд,
За густы́м отря́дом
Дви́жется отря́д.
Мо́лнии, как га́лстуки,
По́ ветру летя́т.

В дождевѣом сянѣе
Облачных слоѣв
Слѣвно очертанѣе
Тѣсячи голѣв.

Рѣхнула плотина —
И выхѣдят в бой
Блѣзы из сатина
В синѣе грозовой.

Трѣбы. Трѣбы. Трѣбы
Подымѣют вой.

Над больничным садом,
Над водѣй озѣр,
Движутся отряды
На вечерний сбор,
Заслоняют свет они
(Даль черным-чернѣ),
Пионѣры Кѣнцева,
Пионѣры Сѣтуни,
Пионѣры фабрики Ногинѣ.

А внизѣ склонѣнная
Изнывѣет мать:
Дѣтские ладѣни
Ей не целовѣть.
Духотѣй спалѣнных
Губ не освежить.
Валентинѣ болѣше
Не придѣтся жить.

«Я ль не собиравѣ
Для тебѣ добрѣ?
Шѣлковыѣ плѣтья,
Мех да серебрѣ,

Я ли не копыла,
Ночи не спала,
Всё коров доила,
Птицу стерегла,
Чтоб было приданое
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу,
Как пойдёшь к венцу!
Не противься ж, Вáленька!
Он тебя не съест,
Золочёный, маленький,
Твой крестильный крест».

Пусть звучат постылые
Скúдные слова —
Не погибла молодость,
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лёд.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь — на юру
Базовое зная
Вьётся по шнуру.

Красное полóтнице
Вьётся над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Восклицáет гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдаёт салют.

Тихо подымáется,
Призрачно-легка,
Над больничной койкой
Дётская рука.

«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетёный коврик
Упадает крест.

И потóм бессйльная
Вáлится рука́ —
В пúхлые поду́шки,
В мякоть тюфяка́.

А в больничных óкнах
Сйнее тепло́,
От большо́го со́лнца
В ко́мнате светло́.

И, припа́в к постёли.
Изныва́ет мать.

За оградой пёночкам
Нйнче благода́ть.

Вот и всё!
Но пёсня
Не согла́сна жда́ть.

Возника́ет пёсня
В болтовнё ребят.

Подыма́ет пёсню
На́ голос отряд.

И выходит пёсня
С то́потом шагов

В мир, откры́тый настежь
Бёшенству ветро́в.

Н. Дунсяков

ПУЛЕМЁТ

1

Это было в самые первые недели Великой Отечественной войны. Гитлеровцы ворвались в Белоруссию. Наши войска отходили на восток. Партизанские отряды ещё только собирались в лесах, и фашистские захватчики ещё не успели создать свои гарнизоны в каждой белорусской деревёнке.

Бой здесь отгремели, они шли уже на Смоленщине, и Алик снова ночевал на сеновале.

Стояли знойные августовские ночи; с вечера и до самого утра кричали в хлебах перепёлки; за стеной сарая, в траве, дружно перекликались кузнечики.

Сквозь дырявую крышу Алик каждую ночь видел звёздное

небо. Любил Алик спать на сеновале, любил слушать сонные выкрики перепёлок, трескотню кузнечиков. Просыпался среди ночи и долго лежал, прислушиваясь.

Сегодня проснулся он в полночь и услышал за стеной осторожные шаги. Кто-то ходил по огороду у самого сарая. Алик сбросил кожу и, стараясь не шелестеть сеном, сполз вниз. Здесь он прижался к стене, прислушался. Вскоре ему показалось, что хлопнула калитка. Потом мальчик услышал густой бас:

— Здорово, Юрка!

— Привёт, Кузьма Петрович...

Алик теснее прижался к стене.

За стеной молчали. Потом незнакомец сказал:

— Винтовки твой мы припрятали до поры. Спасибо тебе за них, Юрка...

— Не стоит благодарности, Кузьма Петрович,— ответил Юрка.— Вот вы как живёте? Трудно вам, наверно...

— А разве тебе легко? — спросил незнакомец.— На днях выступим, тогда веселее станет. Оружие уже почти всё подготовлено. Теперь, браток, займись пулемётами. В отряде пока только один. Маловато!

— Маловато! — вздохнул Юрка.— Попробую, Кузьма Петрович. Только...

— Что «только»? — прошептал незнакомец.

— Только мне в отряд бы, Кузьма Петрович... Торчать тут уж немогуту.

— Как это «немогуту»? Шутить изволишь? А сколько ты оружия собрал для отряда? А твои сообщения о противнике? Ведь мы должны знать, сколько танков фашисты гонят через наш район на фронт, где ночуют автоколонны, кто проданся захватчикам, спутался с ними. А агитация? Эх, ты!.. А он — «немогуту»!.. — Кузьма Петрович помолчал и зашептал снова: — Ну ладно! Хочешь боевого дела — согласен. Только сначала выполни задание подпольного райкома. Ищи пулемёты. Чем больше найдёшь, тем, понятно, лучше.

Юрка снова вздохнул:

— Попробую, Кузьмá Петрóвич, но трудновáто...

— Ничегó на свéте легкó не дáётся, Юрка, запóмни éто. Зávтра же начни искáть. Ну, пошли, пройдемся...

Их осторóжные шагí постепéнно затíхли, а поражённый услышанным Алик так и остáлся сидéть, как сидёл,— не двíгаясь, слóвно остолбенéв от неожíданности.

Всегдá они с Юрко́й ссóряты. Получáлось так, что всё, решíтельно всё они дéлали напереко́р друг дру́гу. Вот, скáжем, Алик чтó-нибудь посоветует, а Юрка обяза́тельно, тóчно назло́, сде́лает как раз наобо́рот.

«Ты,— говорíт,— ещё мал меня учíть». Тогда и Алик решáет дéлать всё шíворот-навýворот.

Был однáжды дáже такой слýчай. Юрка попросíл:

«Сходи ты к Михáсю Подгóрному и скажи ему́, что сегóдня вéчером я, как мы с ним услóвились, придú в вóсемь часóв. Пусть подождёт. Сбéгай поживée, мне нéкогда, а я тебе за éто конфéтку куплю».

«Хорошо́»,— сказа́л Алик, а сам чуть не запла́кал.

Разве он дитё малое, чтóбы ему́ конфéты дарíли? Ну лáдно же! Прибежа́л он к Михáсю и говорíт:

«Юрка просíл передáть, что в вóсемь часóв вéчера не придёт. бóдет зánят, а ты его́ не жди».

Вот уж отомстíл так отомстíл!

Весь день Алик торжествую́ще представля́л себе́, как обóзлится брат, не застáв Михáся. Но óколо восьмí Юрка вдруг собра́лся в гóрод.

«А к Михáсю?» — с волнéнием спросíл его́ Алик.

«К Михáсю я сегóдня пойтí не смогу́,— отвéтил Юрка.— Меня́ сегóдня вызывáют по вáжному дéлу. А тебе сказа́л так, потому́ что знал: ты обяза́тельно сде́лаешь шíворот-навýворот. Так ты, конéчно, и поетупíл...»

С тех пор Алик и Юрка тóлько опáсливо поглядывали друг на дру́га.

Но тепérь... Тепérь это́ не то, что сбéгать к Михáсю и передáть ему́ нéсколько слов. Юрка-то, выхóдит, партиза́нский развёдчик, и об éтом нýжно молча́ть так, тóчно воды́

в рот набрал. Алик чуть ли не впервые почувствовал уважение к брату.

Приближался рассвет. Алик натянул на себя кофуж, которым всегда укрывался, долго лежал, напряжённо думая, и неожиданно задремал.

Разбудили его раскаты грома. По крыше сарая барабанил дождь. Шумели деревья в саду. Алик поудобнее улегся на сене и крепко заснул под неустанный шум дождя.

2

За изгородью зеленел сад. Длинный подсолнечник, вытянувшись, поглядывал через изгородь во двор, словно засмотревшись на Алика. А тот только-только проснулся, слез с сеновала и, нахмурившись, стоял у сарая.

Под навесом Юрка колот еловые пни. На нём были чёрные штаны, рубаша навывпуск, подпоясанная тонким кожаным ремешком. На ногах — порыжевшие от времени туфли. Круглое лицо его с припухшими губами покраснело и вспотело.

Не обращая на Алика никакого внимания, Юрка бил топором по пням.

— Здорово, Юрка! — сказал Алик точно таким же густым басом, как неведомый Кузьма Петрович.

Юрка выпустил из рук топор и спросил, подозрительно оглядев Алика:

— Как спалось, босой капитан?

Алик ответил не сразу. Сначала потянулся. Потом зевнул, прикрыв рот рукой, как его научила мать. Наконец сказал:

— Здорово выспался. С вечера как заснул, так до самого утра...

— Ну, на что другое, а на сон-то ты мастер, — согласился Юрка и облегчённо вздохнул.

Нагнулся, поднял топор и буркнул, даже не взглянув на брата:

— Отправляйся-ка в хату. Там для вашей светлости завт-

рак пригото́влен. Да и я сейча́с приду́, то́лько коря́гу вот э́ту прикóнчу.

За за́втраком Али́к внима́тельно пригля́дывался к Юрке. Бра́т был я́вно че́м-то озабо́чен, задум́чив. Ел неохо́тно. Со-все́м не отве́чал Али́ку. Ча́сто клал ло́жку на стол, отворáчивался, погля́дывал в окно́. Потóм вы́лез из-за стола́ и вы́шел куда́-то из ха́ты.

Али́к, не позáвтракав как сле́дует, подня́лся.

— Что се́годня с ва́ми? — сказа́ла ма́ть. — Ни о́дин, ни дру-го́й есть не хотя́т. Куда́ э́то ты собра́лся?

— Я, ма́ма, на у́лицу, — отве́тил Али́к, пересту́ная поро́г.

Юрки во дво́ре не́ было. На вся́кий слу́чай Али́к загляну́л на сенова́л, но и здесь не уви́дел бра́та. Тогда́ ма́льчик вы́бежал на у́лицу, постоя́л немно́го, верну́лся во дво́р, вы́шел на огоро́д. На роси́стой траве́ он срáзу приме́тил све́жие следы́. Знача́ит, Юрка уше́л огоро́дами, и, е́сли бы Али́к срáзу догада́лся сбегать ту́да, он наверня́ка догна́л бы бра́та. Что же тепе́рь де́лать?

Али́к до́лго стоя́л, размышля́я.

3

Ма́льчики шли по тропи́нке, сбегáвшей к реке́. По обе́им сторо́нам тропы́ шумели переспев́шие колхо́зные хлеба́, кото́рые никто́ не убирáл, зная́, что урожа́й все́ равно́ заберу́т гит-леровцы́.

Рядо́м с Али́ком брё́л его́ за́кады́чный прия́тель Васи́лёк — парене́к чу́ть помоло́же и пони́же Али́ка, но зато́ и потóлще. В шко́ле Васи́лька шу́тливо прозва́ли Мя́чиком. И не то́лько оттого́, что на мя́чик так походили́ его́ крúглые, ро́зовые ще́ки. Прóзвище э́то закрепи́лось за ним потому́, что Васи́лёк был удивите́льно шу́стрым мальчу́ганом, стра́шным непо-се́дой.

В шко́ле, когда́ звони́ли на пере́мену и учи́тель выходил из кла́сса, Васи́лёк пе́рвым мча́лся по коридóру, подскáкивая то на о́днóй, то на друго́й но́ге и издава́я при э́том зву́ки, од-

новрѣменно напоминавшие и болботанье тѣтерева, и стрекотанье сороки.

«Ну, запрѣгал Мячик!» — говорили обычно одноклассники и выбегали вслѣд за Василькомъ в коридоръ.

И рѣдко на переменѣ Василѣк обходилъ без чрезвычайныхъ происшествій. То он зацѣпится за бакъ с водою и опрокинетъ его, то споткнется и ударится коленомъ об пол и тогда возвращается в классъ прихрамывая.

В первые дни войны Василѣкъ ещё подскакивалъ то на одной, то на другой ногѣ. А когда выяснилось, что немцы наступаютъ, Василѣкъ вдругъ сталъ грустнѣе всехъ в школѣ.

«Скучно, Мячик?» — спросилъ однажды Аликъ у Василька, встрѣтивъ его на улицѣ уже послѣ того, какъ гитлеровцы заняли весь районъ и только в ихъ деревенькѣ, расположенной вдалекѣ от шоссе, ещё не появлялись.

«Скучно, — признался Василѣкъ и, оглянувшись вокругъ, загадочно добавилъ: — Придутъ в деревню фашисты, и тогда, брат, обо мнѣ все заговорятъ».

«Почему?» — спросилъ Аликъ.

«А потому, что решилъ я такое сдѣлать... даже дух захватываетъ, какъ подумаю. Ну, да всё равно. Мнѣ себя не жалко, Аликъ. Вот только мамку жалѣю. Ужъ очень горевать будетъ...»

«А что жъ это такое ты задумалъ?» — допытывался Аликъ.

«А то и задумалъ, что буду бить фашистовъ. У меня, Аликъ, и пулемѣтъ есть, я его вблизи станицы на полѣ нашёлъ. После боя он там остался. И мѣсто, откуда стрелять, я выбралъ. Какъ только фрицы в деревню — я и пальну по нимъ».

Теперь — мѣсяцъ спустя послѣ этого разговора — мальчишки шли по тропинкѣ.

— Что жъ, Василѣкъ, не стрелялъ ты по фашистамъ? — спросилъ вдругъ Аликъ. — Помнишь, говорилъ, из пулемѣта пальнешь?

— Ну и говорилъ! — буркнулъ Василѣкъ.

Некоторое время мальчишки шли молча.

— Думаешь, я тогда задавался? — сказалъ вдругъ Василѣкъ. — Я бы такъ и сдѣлалъ, вот тебѣ честное пионерское! Такъ они пришли, Аликъ, совсемъ неожиданно. Мы с мамкой на огоро-

де нашу пшеницу жали. Заглянули во двор, а там уже они. Вот тут и стреляй...

Тропинка вывела их к обрыву, с которого видно было всё вокруг. Внизу плескалась река. Мальчики спустились к воде, разделись.

— А у меня к тебе, Василёк, дело есть,— сказал Алик.— Только сейчас я тебе ничего не скажу, сначала давай искупемся.

— Давай,— согласился Василёк.

Мальчики побежали по песчаному берегу и друг за другом бултыхнулись в воду.

4

Алик поджидал брата, усевшись на пни под навесом. Юрка вернулся в сумерки. Его башмаки запылились: сразу было видно, что парень прошёл за этот день немалую дорогу. Тяжело ступая, он тотчас же отправился под навес.

Сел на колоду, на которой обычно рубил дрова, задумался, недовольно зажмурив глаза.

«Значит, не достал пулемёта»,— решил Алик, присмотревшись к брату.

— Юрка,— тихонько спросил Алик,— а кто такой Кузьма Петрович?

Юрка от неожиданности вздрогнул. Будто не понимая, переспросил:

— Какой такой Кузьма Петрович?

— Ну вот, ты опять притворяешься! — обиженно сказал Алик.— Я же всё слышал.

— Ты вот что, хлопец,— сердито заговорил брат.— Ты ещё мал и не вмешивайся не в свои дела. У тебя одно занятие — на улице собак гонять. И больше чтобы ты не ночевал на сеновале. Слышишь? А Кузьма Петрович — один мой знакомый. Понимаешь, знакомый. И то, о чём мы с ним говорили,— это просто-напросто шутка, потому что мы увидели, как ты подслушиваешь. А теперь беги скорее в хату, пока я тебя с пней

не стащил. И скажи матери, что ужинать я не буду. Пойду спать на сеновал.

Юрка поднялся и, даже не взглянув на Алика, отправился в сарай. Здесь он взобрался на сено, уселся, сбросил с ног башмаки. Растянулся на постели Алика, закрыл глаза. Но сон упорно не шёл. Ведь задание это Юрка, как активный комсомолец, получил от секретаря подпольного райкома Кузьмы Петровича.

И вот сегодня в полночь Юрка хотя бы с одним пулемётом должен быть на опушке леса. Но как же идти туда, если пулемёта нет? За день обошёл Юрка всех знакомых ребят, а пулемёта не добыл. Два приятеля заявили ему, что у них есть оружие, но вскоре понадобится им самим. А кое-кто отмалчивался — видеть, не совсем доверял Юрке.

Так он и вернулся ни с чем.

И вот не выполнил Юрка задание, и потому его охватил жгучий стыд. А тут вспомнился Алик. Ещё проболтаётся где-нибудь...

И как это не догадался тогда Юрка отвести Кузьму Петровича подальше от сарая!

Ну, а если Алик всё-таки растреплется? Дружков, известно, у него немало. Скажет «по секрету» одному, другому, и через какой-нибудь день и все узнают. А там отведут хлопца в немецкую комендатуру, всыплют плетей — всё и расскажет...

Юрка воробчался с боку на бок, напрасно считая до тысячи.

Было уже совсем темно. В дальнем углу сарая, в закуте, пережёвывая жвачку, вздыхала корова. За сараем, в траве, распевали те самые кузнечики, которых так любил слушать Алик. Звёзды мигали сквозь дырявую крышу.

Потянуло ночной прохладой. Юрка укрылся кожухом. Укрылся с головой так, чтобы ничего не слышать, ничего не видеть. Совсем неожиданно скрипнули ворота, кто-то зашёл в сарай.

Юрка высунул голову из-под кожуха, строго спросил:

— Кто такой?

И услышал в ответ тоненький знакомый голосок:

— Это я, Юрка.

Опять этот неугомонный Алик! Но он тащит что-то. Юрка приподнялся, спросил:

— Что это у тебя?

— Ничего,— ответил Алик.

— Зачем шатаешься? — недовольно сказал Юрка.— Сейчас же убирайся отсюда!

Но мальчик, тяжело дыша, уже карабкался по сёну. Подполз.

— На, бери,— сказал он и протянул Юрке ручной пулемёт.

— Пулемёт? — удивился Юрка.

— Бери уж,— торжествующе сказал Алик,— мне не жалко. И скажи Кузьме Петровичу, что я никому ни слова, хоть бы меня на расстрел повели. Я вон сколько помалкивал про пулемёт! Никто не знал, даже ты. И не узнал бы, вот оно как! А пулемёт этот Мячиков — он его прятал. Я выпросил, сказал, что на самое серьёзное, самое настоящее дело, честным пионерским поклялся. Еле отдал. Ну, только я не сказал, куда и кому. А может, и нас в разведчики примут, а, Юрка?

1957

МАЙОР ПРИВЁЗ МАЛЬЧИШКУ НА ЛАФЕТЕ

Майор привёз мальчишку на лафёте.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтётся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста,
Был исцарапан пулями лафёт.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафёте спал.

Мы шли ему навстрёчу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой.
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне порá домой...

Здесь это горе знают понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призывал нас к бою воинский закон.

Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридцать земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет... Когда наступит дата
Ему, как мне, идти в такие дни
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

Минское шоссе. 1941.

Борис Лавренёв

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Он стоял перед капитаном — курносый, скуластый, в кўцем пальтишке с рыжим воротником из шерстяного бобрика. Его круглый носик побагровел от студёного степного суховёя. Обшелушенные, посинелые губы дрожали, но тёмные глаза пристально и почти строго были устремлены в глаза капитана.

Он не обращал внимания на краснофлотцев, которые, любопытствуя, обступили его, необычного тринадцатилетнего посетителя батареи — этого сурового мира взрослых, опалённых порохом людей. Обут он был не по погоде: в серые парусиновые туфли, протёртые на носках, и всё время переминался с ноги на ногу, пока капитан разбирал препроводительную записку, принесённую из штаба участка связным краснофлотцем, приведшим мальчика:

«...Был задержан утром у переднего края... По его показаниям, он в течение двух недель наблюдал за немецкими силами в районе совхоза «Новый путь»... Направляется к вам как могущий быть полезным для батареи...»

Капитан сложил записку и сунул её за борт полушубка. Мальчик продолжал спокойно смотреть на него.

— Как тебя зовут?

Мальчик выпрямился, вскинул подбородок, и попытался щёлкнуть каблуками, но лицо его свело болью, он испуганно взглянул на свои ноги и, понурясь, торопливо сказал:

— Николай Вихров, товарищ капитан.

Капитан посмотрел на его туфли и покачал головой.

— Мокроступы у тебя не по сезону, товарищ Вихров. Ноги застыли?

Мальчик потупился. Он изо всех сил старался удержаться от слёз. Капитан подумал о том, как он пробирался в этих туфлях по железной от мороза степи. Ему самому стало зябко. Он передёрнул плечами и, погладив мальчика по красной щеке, сказал:

— Добро! У нас другая мода на обувь... Лейтенант Козуб!

Маленький крепыш лейтенант козырнул капитану.

— Прикажите начхóзу немедленно подыскать и принести мне в каземат¹ вáленки сáмого мáлого рáзмéра.

Козуб рысью побежал исполнять приказание. Капитан взял мальчика за плечó:

— Пойдём в мою хату. Обогрëешься — поговорим.

В командирском каземате, трещá и гудя, пылала печь. Краснофлотец помешивал кочерёжкой ўгли. Оранжевые отблески дрожáли на бéлой стенé. Капитан снял полушубок и повесил на крюк. Мальчик, озираясь, стоял у двéри. Вероятно, его поразила э́та свóдчатая подзёмная кóмната, сверкающая эмáлевой белизнóй реполíна, зáлитая сýльным свéтом лáмпы.

— Раздевайся, — предложил капитан. — У меня тут жарко, как на артековском пляже в июле. Грейся!

Мальчик стянул с плеч пальтишко, аккуратно свернул его подкладкой наружу и, привстав на цыпочки, повесил поверх капитанского полушубка. Капитану понравилось его бережное отношéние к одéжде. Без пальтó мальчик оказалсá ма-

---

¹ Каземат — защищённое от попадания снарядов и бомб помещение в крепостях.

леньким и очень худым. Капитан подумал, что он, наверно, крепко поголодал.

— Садись! Сперва закусим, потом дело. Был, понимаешь, в старое время какой-то полковник, который изрёк, что путь к сердцу солдата пролегает через желудок. Довольно толковый был мужик. Боец с полным животом стоит пяти голодных... Чай любишь крепкий?

Капитан налил доверху свою толстую фаянсовую кружку тёмной дымящейся жидкостью. Отрезал здоровый ломоть буханки, наворотил на него масла в палец толщиной и увенчал это сооружение пластом копчёной грудинки.

Мальчик почти испуганно покосился на этот чудовищный бутерброд.

— Клади сахар!

И капитан придвинул гостю отпилоч шестидюймовой гильзы, набитый синеватыми, искристыми, как снег, кусками рафинада. Мальчик исподлобья посмотрел на капитана странным взглядом, осторожно взял кусочек сахара и положил рядом с чашкой.

— Ого! — засмеялся капитан. — Вон как ты от сладкого отвык. У нас, брат, так чай не пьют. Это только напиток порча.

И он с плёском бухнул в кружку увесистую глыбу сахара. Худое лицо мальчика сморщилось, и из глаз на стол закатили неуправляемые, очень крупные слёзы. Капитан вздохнул, придвинулся и обнял костлявые плечи гостя.

— Ну, полно! — произнёс он весело. — Брось! Что было, то сплыло. Здесь тебя не обидят. У меня, понимаешь, вот такой павиан, вроде тебя, есть, только Юркой зовут. А во всём прочем — как две капли воды, и нос такой же, пуговицей.

Мальчик быстрым и стыдливым жестом смахнул слёзы.

— Это... я ничего, товарищ капитан... я не за себя разнюнился... Я маму вспомнил.

— Вон что... — протянул капитан. — Маму? Мама жива?

— Жива. — Глаза мальчика засветились. — Только голодно у нас. Мама по ночам от немецкой кухни картофельные ошпур-

ки собира́ла. Раз часово́й её заста́л. По руке́ — прикла́дом... До сих пор рука́ не гнётся...

Он стиснул губы, и из глаз его́ уплыла́ нежность. В них роди́лся жёсткий и о́стрый блеск. Капита́н погла́дил его́ по голове́:

— Потерпи́... Ма́му вы́ручим. Ложись, вздремни́ немно́го. Ма́льчик умоля́юще посмотре́л на капита́на:

— Потом... Я не хочу́ спать. Сперва́ расскажу́ про них.

В его́ го́лосе был тако́й нака́л упо́рства, что капита́н не наста́ивал. Он пересе́л к друго́му кра́ю стола́ и вы́нул блокно́т:

— Ла́дно, дава́й!.. Ско́лько, по-твое́му, не́мцев в совхо́зе? Ма́льчик отве́тил бы́стро, без запя́нки:

— Пе́рвое — бата́льон пехо́ты. Бава́рцы. Сто се́мьдесят ше́стой полк два́дцать се́дью́ дивизии. Прибы́ли из Голла́ндии.

Капита́н удиви́лся тако́й то́чности отве́та:

— Отку́да ты э́то зна́ешь?

— Ви́дел на погóнах ци́фры. Слу́шал, как разгово́ривали. Я по-неме́цки в шко́ле хоро́шо занима́лся, всё понима́ю... По́том ро́та мотоцикли́стов-автома́тчиков. Взвод сре́дних та́нков. По се́верному кра́ю совхо́за око́пы. Два до́та с полевы́ми и противота́нковыми пу́шками. О́ни си́льно укрепи́лись, това́рищ капита́н. Все́ вре́мя це́мент грузовика́ми таска́ли. Я из око́шка подгля́дывал.

— Мо́жешь то́чно указа́ть местопо́ложение до́тов? — спроси́л, подава́ясь вперед, капита́н. Он вдруг по́нял, что перед ним не обыкнове́нный ма́льчик, а о́чень зор́кий, созна́тельный и то́чный разве́дчик.

— Большо́й дот у них на бахче́ за ста́рым то́ком... А дру́гой...

— Стоп! — прерва́л капита́н. — Э́то здо́рово, что ты так хоро́шо всё вы́следил. Но, понима́ешь, мы же в твоём совхо́зе не́ жили. Где бахча́, где ток — нам неизве́стно. А морская́ де́сятидюймо́вая артилле́рия, дру́жок, шту́ка серьёзная. Нача́нем гвозди́ть науга́д, мно́го ли́шнего перекре́шить мо́жем, пока́ в то́чку поса́дим. А там ве́дь и на́ши лю́ди есть... И ма́ма тво́я...

Мальчик взглянул на капитана с недоумением:

— Так разве у вас, товарищ капитан, карты нет?

— Карта есть... А ты в ней разберёшься?

— Вот ещё,— сказал мальчик с небрежным превосходством,— у меня же папа геодезист. Я сам карты чертить могу... Папа теперь тоже в армии... Он командир у сапёров! — добавил он с гордостью.

— Выходит, что ты не мальчик, а клад,— пошутил капитан, развёртывая на столе штабную полукилометровку.

Мальчик встал колёнками на табурет и нагнулся над картой. Лицо его оживилось, палец упёрся в бумагу.

— Вот же,— сказал он, счастливо улыбаясь,— как на ладошке. Карта у вас какая хорошая! Подробная, как план... Вот тут за оврагом и есть старый ток.

Он безошибочно разбирался в карте, как опытный топограф, и вскоре частокól красных крестиков, нанесённых рукой капитана, испятнал карту по всем направлениям, засекая цели. Капитан был доволен.

— Очень хорошо, Кóля! — Он одобрительно потрепал по плечу мальчика. — Простó здорово!

И мальчик, на мгновение перестав быть разведчиком, поребячьи прижался щекой к капитанской ладони. Ласка вернула ему его настоящий возраст. Капитан сложил карту:

— А теперь, товарищ Вихров, в порядке дисциплины — спать!

Мальчик не противился. Глаза у него слипались от сытной еды и тепла. Он сладко зевнул, и капитан ласково уложил его на свою койку и накрыл полушубком. Потом вернулся к столу и уселся за составление исходных расчётов. Он увлёкся и не замечал времени. Тихий оклик оторвал его от работы:

— Товарищ капитан, который час?

Мальчик сидел на койке встревоженный. Капитан отшутился:

— Спи! Тебе что до времени? Начнётся драка — разбудим.

Лицо мальчика потемнело. Он заговорил быстро и настойчиво:

— Нет, нет! Мне же назад надо! Я маме обещал. Она будет думать, что меня убили. Как стемнеет — я пойду.

Капитан изумился. Он и предположить не мог, что мальчик всерьёз собирается вторично проделывать страшный путь по ночной степи, который случайно удался ему однажды. Капитану казалось, что его гость не вполне проснулся и говорит спротонок.

— Чепуха! — рассердился капитан. — Кто тебя пустит? Если даже не попадёшься немцам, то в совхозе можешь угодить под наши снаряды. Спи!

Мальчик насупился и покраснел:

— Я немцам не попадусь. Они ночами от мороза по домам сидят. А я все тропочки наизусть... Пожалуйста, пустите меня.

Он просил упрямо и неотступно, и капитану на мгновение пришла мысль: «А что, если весь рассказ мальчугана — обдуманная комедия, обман?» Но, заглянув в ясные детские зрачки, он отбросил это предположение.

— Вы же знаете, товарищ капитан, что немцы не позволяют никому уходить из совхоза. Если меня хватятся утром и не найдут, маме худо будет.

Мальчик явно волновался за судьбу матери.

— Есть... всё понял, — сказал капитан, вынимая часы. — Сейчас шестнадцать тридцать. Мы пройдемся с тобой на наблюдательный пункт и ещё раз сверим всё. Когда стемнеет, тебя проводят. Ясно?

На наблюдательном пункте, вынесенном вплотную к психотным позициям на рубеже, капитан сел к дальномёру. Он увидел холмистую крымскую степь, покрытую голубыми полосами снега, нанесённого ветрами в балки. Розовый свет заката умирал над полями. На горизонте темнели узкой полоской сады далёкого совхоза.

Капитан долго разглядывал массивы этих садов и белые крапинки зданий между ними. Потом он подозревал мальчика:

— Ну-ка, взгляни! Может, маму увидишь.

Улыбаясь шутке капитана, мальчик взглянул в окуляр.

Капитан медленно поворачивал штурвальный горизонтальной наводки, показывая гостю панораму родных мест. Внезапно Колья отстранился от окуляра и мальчишески радостно затебил капитана за рукав:

— Сковоречня! Моя сковоречня, товарищ капитан! Честное пионерское!

Удивлённый, капитан нагнулся к окуляру. В поле зрения, высясь над сеткой оголённых топовых верхушек, над зелёной, в пятнах ржавчины, крышей темнел на высоком шесте крошечный квадратик. Капитан видел его совсем отчётливо на бледно-сизом небе. И это натолкнуло его на неожиданную мысль. Он взял Колью под локоть, отвёл его в сторону и тихо заговорил с мальчиком под недоумёнными взглядами краснофлотцев-дальномерщиков.

— Понял? — спросил капитан.

И мальчик, весь просияв, кивнул головой.

Небо потемнело. С моря потянуло ледяной колкостью зимнего ветра. По ходу сообщения капитан провёл Колью на рубёж. Он вызвал командира роты, рассказал ему вкратце дело и приказал вывести мальчика скрытно за рубёж... Два краснофлотца канули с мальчиком в темноту.

И капитан смотрел вслед, пока не перестали белеть новые валенки, принесённые мальчику в командный каземат начхозом батарей. Капитан ждал с тревогой — не грянут ли в этой тьме внезапные выстрелы. Но всё было тихо, и капитан ушёл к себе на батарею.

Ночью ему не спалось. Он без конца пил чай и читал. Перед рассветом он был уже на наблюдательном пункте. И как только на востоке посветлело и можно было различить на этой светлеющей полосе крошечный квадратик, он подал команду. Первый пристрелочный залп башни расколол тишину зимнего утра. Гром медленно покатылся над полями. И капитан увидел, как тёмный квадратик на шесте качнулся дважды и, после паузы, в третий раз.

— Перелёт... вправо, — перевёл для себя капитан и командовал второй залп.

На этот раз скворёчня не шевельну́лась, и капитан перешёл к огню на поражение обеими башнями. С волнением артиллериста он наблюдал, как в дыму разрывов полетели кверху глыбы бетона и брёвна. Он усмехнулся и после трёх залпов перенёс огонь на вторую цель. И снова скворёчня вела с ним дружеский немой разговор. Огонь обрушился туда, где красный крестик на карте отметил склад горючего и боеприпасов. На этот раз капитану повезло с первого залпа. Над горизонтом полыхнула широкая полоса бледного огня. В туче дыма исчезло всё: деревья, крыши, шест с тёмным квадратиком. Взрыв был очень сильный, и капитан с тревогой подумал о том, что мог надёлать этот взрыв.

Запищал телефон. С рубежа просили прекратить огонь. Морская пехота, пошедшая в атаку, уже продвинулась к немецким окопам.

Тогда капитан вскочил в коляску мотоцикла и в открытую помчался по полю на рубеж. От совхоза доносился пулемётный треск и удары гранат.

Ошеломлённые немцы, потеряв опорные точки, сопротивлялись слабо. С околицы уже мигали весёлые флажки семафора, докладывая об отходе противника.

Бросив мотоцикл, капитан побежал напрямик, через степь, по тому месту, где ещё накануне появление человека вызвало шквал свинца. Над садами совхоза плыл серо-белый дым горящего бензина, и в нём глухо рычали рвущиеся снаряды. Капитан торопился к зелёной крыше между надломленными тополями. Ещё издали он увидел у калитки закутанную в платок женщину. За её руку держался мальчик. Завидев капитана, он кинулся ему навстречу. Капитан с ходу подхватил мальчика и стиснул его. Но мальчику, видно, не хотелось в эту минуту быть маленьким. Он упёрся руками в грудь капитана и рвался из его объятий. Капитан выпустил его. Кбля стал перед ним, приложив руку к рыжей шапочке:

— Товарищ капитан, разведчик Вихров задание выполнил.

Подошедшая женщина с замученными глазами и усталой улыбкой протянула руку капитану:

— Здравствуйте!.. Он так вас ждал... Мы все ждали. Спасибо, родные!

И она поклонилась капитану хорошим, глубоким русским поклоном. Коря стоял рядом с капитаном.

— Молодёц! Отлично справился!.. Страшновато было на чердаке, когда мы начали стрелять? — спросил капитан, привлекая мальчика к себе.

— Страшно! Ой как страшно, товарищ капитан! — чисто-сердечно ответил мальчик. — Как первые снаряды ударили, так всё и зашаталось, будто проваливается. Я чуть не махнул с чердака. Только стыдно стало. Сам себе говорить начал: «Сиди... сиди!» Так и досидел, пока склад рвануло. А после и не помню, как вниз очутился.

И, сконфузясь, он уткнулся лицом в полушубок капитана, маленький русский человек, тринадцатилетний герой с большим сердцем — сердцем своего народа.

БАЛЛАДА О ЗАСЛОНОВЕ¹ И ЕГО АДЪЮТАНТЕ

Гитлеровцы говорят:
— Хлопец Жёнька! Где отряд?
Где Заслонов? Всё подряд
Расскажи...

— Не знаю...

— Где ору́жие? Где склад?
Ска́жешь — де́ньги, шокола́д.
Нет — верёвка и прикла́д.
По́нял?

— Я не знаю...

Враг сига́рой Жёньку жжёт.
Жёнька те́рпит, Жёнька ждёт,
Молчи́т на допро́се:
Засло́нов не бро́сит.

...Утро. Пло́щадь. Со́лнце. Свет.
Ви́селица. Сельсове́т.

Партиза́н не ви́дно.
Жёнька ду́мает: «Капу́т,
На́ши, ви́дно, не приду́т,
Помира́ть мне, ви́дно».
Вспо́мнил ма́ть. Отца́. Семью́.
Сестру́ доро́гую.
...А пала́ч одну́ скамью́
Ста́вит на друго́ую.
— Лезь...—

Ну, всё!

И Жёнька влез.

---

¹ Константи́н Засло́нов — легендарный командир партиза́нского отря́да, Геро́й Советского Сою́за.

...Свёрху — небо. Справа — лес.
Грустными глазами
Оглядел он ширь небес,
Поглядел опять на лес.
Поглядел... и замер.

Явь ли это или сон?!
Рожью, полем — с трёх сторон —
Мчатся партизаны.
Вперед Заслонов — вскачь.
Ближе... ближе!
А палач
Своим делом занят.

Смёрил петлю — в самый раз.
Усмехнулся, ждёт приказ.
Офицер:

— В последний раз...

Где есть партизаны?
Где Заслонов?

Женька: — Где?
На земле и на воде.
И в овсе и в хлебе.
И в лесу и в небе.
На гумне и в поле.
На дворе и в школе.

В церкви. В лодке рыбака.
В избе за стеною.
У тебя, у дурака,
За спиною!

Глянул враг назад и — хлоп
На землю со стоном:
Чужеземцу прямо в лоб
Угодил Заслонов.

СОЛОВУШКА

Небольшой отряд гитлеровских войск сразу же после обеда вступил в деревню. По правде говоря, это было только место, где раньше стояла деревня, так как по обеим сторонам улицы тянулись одни обгорелые развалины. Деревья фруктовых садов с едва наметившимися почками стояли голые, обугленные.

Лейтенант, сидя на возке походной кухни, поглядывал то на карту, разложенную на его коленях, то на печальные следы войны и как будто разыскивал что-то глазами. Вокруг не было видно ни одной живой души. Только на покинутых огородах над обугленными подсолнечниками и грядками каким-то чудом сохранившихся цветущих маков вилась стая бабочек.

Пыльные, посеревшие лица солдат говорили о крайней усталости, ноги у них подкашивались.

В конце деревни, там, где дорога сворачивала к темнеющему неподалёку лесу, расходясь на три малопроезжие проселочные дороги, офицер остановил отряд. Озабоченные взгляды солдат с надеждой устремились на начальника, который соскочил с повозки и стал разглядывать в бинокль местность.

Во время этой маленькой передышки, когда солдаты могли вытереть вспотевшие лбы и поправить вещевые мешки, вдруг раздалось пение птицы. Переливчато звеня в воздухе, песня эта пробудила тишину летнего дня. Трели птицы на короткое время умолкали, потом звенели ещё сильнее и отчетливее. Не только солдаты, но и сам лейтенант на мгновение прислушались, а потом принялись обыскивать кусты. Раздвинув ветки придорожного березняка, они увидели на краю канавы мальчика. Еле приметный в траве, в защитного цвета куртке, без шапки, спустив босые ноги в канаву, он старательно строгал какую-то деревяшку, уперев её в грудь.

— Эй, ты! — крикнул лейтенант и жестом подозвал мальчика.

Прекратив работу и поспешно сунув нож в карман куртки, отряхнув с себя стружки, тринадцатилетний паренёк подошёл к лейтенанту.

— Покажи-ка, — сказал лейтенант по-литовски.

Мальчик вынул изо рта какую-то деревянную штучку, стёр с неё слюну и протянул лейтенанту, глядя на него голубыми весёлыми глазами. Это была простая берёзовая дудочка.

— Искусный мальчик, искусный! — покачал головой лейтенант, и на мгновение его злое, неприятное лицо смягчила улыбка, которая заразительно подействовала на стоявших неподалёку и наблюдавших солдат.

Все удивлялись незатейливости этого музыкального инструмента.

— Кто тебя научил этому? — снова спросил лейтенант, уже без улыбки.

— Я сам, господин... Я умею и кукушкой...

Мальчик закуковал. Затем он снова сунул себе в рот мокрую дудочку, прижав её языком, и засвистел.

— Скажи, свистун, ты один здесь? — продолжал допрос лейтенант.

— Нет, нас здесь много. Только больше всего воробьёв, ворон и куропаток. Соловёй только я один и есть...

— Мерзавец! — прервал его офицер. — Я тебя спрашиваю: нет здесь больше народу?

— Нет, — ответил мальчик. — Когда ваши стали стрелять и деревня загорелась, все закричали: «Звери, звери идут!» — взяли да удрали кто куда.

— А почему ты не убежал?

— Я хотел посмотреть на зверей. Когда мы ездили в город, там за полтинник показывали кошку, большую, с телёнка.

— Как видно, дурачок, — произнёс лейтенант, обращаясь к солдатам на своём языке. — Скажи-ка, малый, знаешь ты эту дорогу через лес на Сурмонтай? Ведь так, кажется, она зовётся?

— Как же мне не знать, господин, — уверенно ответил мальчик. — И мы туда к мельнице рыбачить ходили. Там такие щуки водятся, что двухмесячных гусенят живьём глотают.

— Ну ладно, ведй. Если скоро сведёшь, получишь вот это. — Лейтенант показал мальчику зажигалку. — А обманишь — голову сверну вместе с этой самой твоей свистулькой. Понял?..

Отряд двинулся. Вперёд походной кухни, рядом с лейтенантом, ни на минуту не переставая играть на своей дудочке, подражая то соловью, то кукушке, шагал и мальчик. Размахивая в такт рукой, он то сбивал придорожные сучья деревьев, то собирал шишки и казался занятым только самым собой. Лес становился гуще, дорога извивалась между пресеками, заросшими берёзками, и снова сворачивала в сосновый тёмный лес.

— А что говорят здесь в народе о партизанах? Водятся они в вашем лесу? — поинтересовался лейтенант.

— Нет таких. Сыроежки есть, подберёзовики и опёнки, — не сморгнув ответил мальчик.

Сообразив, что с таким не стоит пускаться в дальнейшие разговоры, немец замолчал.

В самой глубине леса в молодом и густом ельнике, откуда был виден изгиб дороги, лежали несколько человек. Они лежали неподалёку друг от друга; возле стояли их ружья, прислонённые к дереву. Изредка они тихо перебрасывались словечком-другим и, осторожно отводя ветки деревьев, внимательно оглядывали лес.

— Слышите? — сказал один из них, посмотрел на товарищей, немного приподнялся и повернул голову в ту сторону, откуда сквозь неясный шум леса доносилась дальняя трель соловья.

— А не почудилось тебе? — спросил другой, прислушался и ничего не услышал, но всё-таки вынул из-под пня четыре гранаты и положил их перед собой.

— Ну, а теперь?

Пение птицы становилось всё явственнее. Тот, который первым услышал его, стал внимательно отсчитывать:

— Раз, два, три, четыре... — и рукой отбивал счёт. — Отряд из тридцати двух человек, — произнёс он наконец, внимательно вслушиваясь в трели птицы, говорящей на таком ясном, но только одним партизанам понятном языке.

Неожиданно раздалось кукование кукушки.

— Два пулемёта, — определил он по доносившимся звукам.

— Начнём, — сказал, берясь за ружьё, бородатый мужчина, весь опоясанный пулемётными лентами.

— Поторопись, — кладя гранаты, ответил тот, кто прислушивался к трелям птицы. — Там нас ждут. Мы с дядей Стяпсом пропустим их, а когда вы начнёте, мы станем жарить

по ним с тыла. Не забудь Соловушку, если что случится. Он со вчерашнего дня, бедняга, ничего не ел.

Через некоторое время около молодого ельничка показался отряд немцев. Соловушка заливался всё с прежним жаром, но для тех, кто понимал язык его трелей, это было только повторением того, что было уже известно людям, скрывавшимся в чаще леса.

Когда солдаты вышли на небольшую прогалину, на пение соловья из кустарника эхом отозвался свист. Мальчик, который шёл по краю тропинки, юркнул в чащу леса.

Ружейный залп, нарушивший тишину, свалил с ног лейтенанта, тот даже не успел поднять оружие. Он упал на пыльную тропинку. Один за другим, сраженные меткой пулей, падали солдаты. Стоны, крики ужаса, растерянные выкрики команд стояли в воздухе.

Но скоро лес снова затих, и только мягкая, песчаная почва вдоволь напилась вражеской крови.

На следующий день в самом конце деревни, у перекрёстка, на своём обычном месте, подле канавы, снова сидел тринадцатилетний мальчик и что-то строгал из дерева. Временами он зорко оглядывал ведущую в деревню дорогу. Казалось, будто он опять чего-то ожидает. И снова в воздухе переливалась чудесная мелодия, которую не слишком привычное ухо не отличило бы от соловьиной трели.

МАРШ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

Взвѣйтесь кострами,
Сѣние нѣчи!
Мы пионѣры —
Дѣти рабѣчих.
Блѣзится эра
Свѣтлых годов.
Клич пионѣра:
«Всегдѣ будь готѣв!»

Юны и смѣлы,
Дружной гурьбѣю
Будем готѣвы
К трудѣ и бѣю.
Будем примѣром
Борьбѣ и трудѣв.
Клич пионѣра:
«Всегдѣ будь готѣв!»

Радостным шагом,
С пѣсней весѣлой
Мы выступаем
За комсомѣлом.
Блѣзится эра
Свѣтлых годов.
Клич пионѣра:
«Всегдѣ будь готѣв!»

Грянем мы дружно
Песнь удалѣю
За пионѣров
Семьѣ мировѣю,
Будем примѣром

Борьбы и трудов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

1922

СЕВА КОТЛОВ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Нéсколько лет наза́д вы́шла повесть Анато́лия Але́ксина «Необыча́йные путеше́ствия Се́вы Котло́ва». Сейча́с А. Але́ксин написа́л продол́жение э́той пове́сти — «Се́ва Котло́в за Поля́рным кру́гом». Гла́вы из неё мы публику́ем в э́той кни́ге.

Я БУДУ КОРРЕСПОНДЕНТОМ

В тот ве́чер, когда́ па́па сообщи́л на «се́мейном кварта́те» (се́мья на́ша состои́т из четы́рех челове́к), что мы е́дем в Заполя́рск, я запе́л изве́стную пе́сню, кото́рую чу́ть ли не ка́ждый де́нь передава́ли по ра́дио:

Едем мы, друзья,
В дальние края!..

Но на сле́дующий де́нь по доро́ге в шко́лу мне вдруг ста́ло гру́стно. Я поду́мал, что ско́ро переу́лок, по кото́рому я уже́ пять с полови́ной лет бе́гал по утра́м, разма́хивая портфе́лем, в шко́лу, бу́дет от меня́ дале́ко-дале́ко. И никто́ мне не бу́дет крича́ть по утра́м: «Здорово, Котело́к!» И никто́ да́же и знать не бу́дет, что меня́ зову́т Котелко́м. Мо́жет быть, мне придума́ют друго́е про́звище, к кото́рому я все́ равно́ уже́ нико́гда не приви́кну (ну, напри́мер, ста́нут называ́ть меня́ «паровы́м котло́м» и́ли ка́к-нибудь в́роде э́того). А мо́жет, и вообще́ не даду́т ника́кого про́звища...

От всех э́тих мы́слей у меня́ был тако́й вид, что председа́тель сове́та отря́да То́ля Була́нчиков сво́им обы́чным неторопли́вым и соли́дным го́лосом произне́с:

— Я ви́жу, Се́ва, что ты находи́шься в глубо́кой задумчи́вости. И э́то о́чень хоро́шо: нам сейча́с как раз нужна́ твоя́ смека́лка и твоя́... так сказа́ть, бога́тая твóрческая фанта́зия!

— У вас ско́ро уже́ не бу́дет мое́й бога́той фанта́зии,— загро́бным го́лосом произне́с я.

— Нет? Почему же? Ты ошибаешься... Ведь скоро лето наступит, и у нас во дворе школы будет городской пионерский лагерь — вот мы и хотим, чтобы ты придумал какие-нибудь увлекательные летние дела...

Толья в последнее время стал говорить как бы от имени всего совета отряда: «мы хотим», «мы ждем от тебя!»...

— Меня с вами летом уже не будет, — тихо и грустно проговорил я.

— Мы понимаем, ты, наверное, уедешь в загородный лагерь, да? Но ведь потом ты вернешься, и тогда...

— Я уже никогда не вернусь к вам, — еще печальнее сообщил я.

Толья Буланчиков взглянул на меня с удивлением и даже с испугом:

— Можно подумать, что ты умирать собрался!

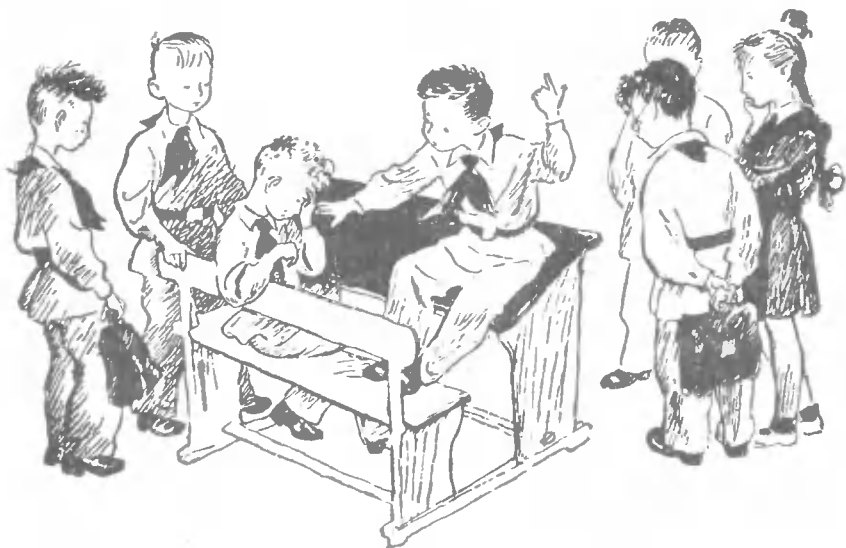
— Нет, я не умру... Но я уеду очень-очень далеко. В город Заполярск...

Через несколько минут уже весь наш класс знал об этой новости. И тут мне стало еще больше не по себе: я понял, что ребятам не хочется расставаться со мной. И даже тем, которые, как я думал, хотели бы от меня избавиться. Нет, никто от меня избавляться не желал...

— Ты всегда будешь с нами, дорогой Сева! Мы тебя не забудем! — торжественно произнес Толья Буланчиков.

— Вот еще, надгробную речь завел! — воскликнула ехидно Галя Калининна, которую мы недавно выбрали редактором стенгазеты за это самое ее ехидство, которое Толья Буланчиков назвал «умением критически мыслить». — Давайте лучше сделаем так, чтобы он с нами не расставался.

— Это невозможно,— сказа́л я.— Ма́ма уже́ вещи со-
брала́.

— Нет, ты меня́ не по́нял,— ста́ла пояснять Га́ля.— Я хочу́,
чтобы́ ты с на́ми не расстава́лся в переносном смы́сле слова́...

— Как э́то — в переносном?

— А о́чень про́сто... Я кое-что приду́мала: ты бу́дешь
на́шим специа́льным корреспонде́нтом за Поля́рным крúгом!
Бу́дешь в ка́ждый но́мер стенгазе́ты (зна́чит, не ре́же трёх
раз в ме́сяц!) присыла́ть вся́кие интере́сные заме́тки. Мы бу́-
дем их чита́ть и как бы бесе́довать с тобо́й, бу́дем слы́шать
твой го́лос... Вот мы и не расста́немся!

— Э́то здо́рово! Молоде́ц, Га́ля!.. Э́то же замеча́тельно! —
зага́дели со всех сто́рон.— У нас тепе́рь бу́дет свой корреспон-
дент!

— Вот хоро́шо, е́сли бы мы воо́бще́ все разъе́хались в ра́з-
ные сто́роны — и тогда́ бы у нас всю́ду были корреспонде́н-
ты! — увле́кся наш отря́дный поэ́т Тёмка Ла́пин.

— Нет, заче́м же нам всем разъезжа́ться и тем са́мым раз-
руша́ть коллекти́в? — возрази́л То́ля Була́нчиков.— Тогда́ и

стенгазёту читать бѹдет нѣкому — все бѹдут тѳлько писать!.. А вообще предложёние Гáли очёнь разѹмное. Толковое, я бы сказа́л, предложёние.

— Ещѳ бы! — воскликнул Тѳмка Лáпин.— Пусть он нам рассказывает обо всех своих дела́х за Поля́рным крѹгом, о всей та́мошней жѳзни, а мы потѳм, сра́зу пѳсле шко́лы, всем кля́ссом прие́дем в Заполя́рск раба́тать. А? Здо́рово! Я чита́л, что нѣкоторые выпускники́ так и де́лают: прѳмо всем кля́ссом отпра́вляются на ра́зные уда́рные объѣ́кты! Давáйте и мы, а?

— Давáйте! Поѳдем на уда́рные объѣ́кты! — закрича́ли все и ста́ли так ра́достно хло́пать Тѳмку по плечѹ, что он да́же присѣл на ко́рточки.

— Хорошѳ,— согласи́лся я,— бѹду ва́шим корреспонде́нтом. Прѳмо с ѳсени... К пѳрвому сентяб́ря пришлю́ пѳрвую ста́тью!

— Нет, мы все прѳсто умрѳем от нетерпѣ́ния! — не согласи́лась со мной Га́ля Ка́линкина.— Ты, как прие́дешь, сра́зу пиши. А ещѳ лу́чше, с доро́ги присыла́й свой пѳрвые корреспонде́нции. Зна́ешь, такие бывáют «путевые заме́тки». Вот и ты пришлѳи...

— Но ведь уже́ лѳто наступа́ет... И на́ша стенгазѳта закро́ется до сентяб́ря.

— Газѳта бѹдет выходить без перерыва! — заяви́ла Га́ля. Сло́во «стенгазѳта» она́ всегда́ сокраща́ла и говори́ла прѳсто «газѳта»: э́то звуча́ло соли́днее.— Ведь лѳтом здесь, во дворе́, бѹдет городско́й пионе́рский ла́герь, и он без газѳты то́же никак не обойде́тся!

— Хорошѳ, я напишу́ вам сра́зу, как то́лько прие́ду.

„ИДЕИ НОМЕР ОДИН“

Она́ пришла́ мне в го́лову совершенно́ неожиданно́, как все мои́ са́мые гениа́льные иде́и. Это была́ са́мая пѳрвая иде́я, ко́торая осени́ла меня́ за Поля́рным крѹгом. Но я о́пять забе́гаю впе́ред...

А де́ло было́ так. Возвраща́ясь со своим но́вым (заполя́р-

ным!) другом Рыжигом из театра, я заметил большую очередь возле одного из магазинов.

— За мебелью стоят,— сказал Вовка Рыжик.— У нас ведь в Заполярске очень много домов строится, люди в квартиры новые въезжают — значит, всем мебель нужна. Вот её и не хватает... По Енисею столько шкафов и диванов сразу не перевезёшь!

Я понял, что и нам с мамой придётся постоять не один день в таком вот длинном хвосте.

— У нас дома даже этажерка для книг и стол самодельные,— продолжал Вовка Рыжик.— Вот придёшь и увидишь. Я в школьной столярной мастерской под руководством Ван Ваныча сделал.

— Под руководством кого?

— Ван Ваныча! Ну, нашего учителя труда Иваном Ивановичем зовут, а он очень энергичный и всегда требует: «Не тратьте даром времени на пустяки!» Вот мы для быстроты, чтобы «не тратьте времени на пустяки», его имя-отчество и сократили. «Ван Ваныч» получился.

— Интересно... А мы у себя в школе, в Москве, тоже табуретки сами мастерили,— вспомнил я.— Только не для самих себя, а для жильцов из нового дома, который возле нашей школы построили. Тимка Лапин, отрядный поэт, даже стихи про это сочинил.

Я остановился и, помня, что Рыжик — будущий артист (он очень мечтал об этом!), продекламировал с максимальным выражением:

Ах, дётки, дётки, дётки,
Сколотим табуретки!
На кухни их поставим —
И сей отряд прославим!

Вспомнив эти стихи, я снова загрустил по своей школе, по своим товарищам, по Витику-Нытику, который был там, в Москве, моим самым верным другом.

— У меня в Москве знаешь сколько близких друзей было! — сказал я.

Рыжик насутился:

— А близких друзей у человека много быть не может. Настоящий друг может быть только один, и на всю жизнь! Так я считаю... А все остальные — просто так, товарищи или знакомые... Вот у меня, например, отец — друг на всю жизнь! Мамы у нас нету... Умерла...

— И больше у тебя друзей никогда не будет? — завокнувал я.

Все печальные воспоминания сразу вылетели у меня из головы: очень уж мне захотелось стать для Рыжика «настоящим другом», и «чтобы на всю жизнь». Но он ничего не ответил на мой вопрос, точно не расслышал его, и мне опять стало не по себе.

А дней через десять я вспомнил, что пора уж посылать в Москву свою очередную корреспонденцию. Я знал, что ехидная Галя Калининская, которая отсюда, издалека, совсем не казалась мне ехидной, а наоборот — доброй и очень симпатичной, что наш солидный Толя Буланчиков, и наша высокосоциальная Наташа Мазуринская, и влюблённый в меня Витик-Нытик, и даже жалостливая Лёлька Мухина — все ждут от меня сообщения о каких-нибудь замечательных делах, которые я лично придумал и организовал. Ведь Толя Буланчиков на прощание так мне и сказал:

«Ты уж развернись там во всю ширь: пусть знают, каких инициативных ребят воспитывают наша школа и наш пионерский отряд!»

Но ведь я ещё пока «во всю ширь» не развернулся. О чём же было писать? А не писать тоже было нельзя, потому что мой московские друзья могли подумать, что я вообще не собираюсь доказывать всем здесь, в Заполярске, «каких инициативных ребят воспитывают наша школа и наш пионерский отряд» под руководством Толи Буланчикова.

О чём же писать?!

И вдруг я прямо с балкона подскочил к письменному столу, схватил ручку и быстро-быстро застрочил по бумаге:

«Идея номер один!» Я так решил назвать эту записку, по-

тому́ что хочú рассказáть в ней о своёй сáмой пёрвой идее, котóрая родилáсь здесь, за Полярным крúгом, среди выюг, бурáнов, низкорóслых кустáрников и полярных ночей. То есть пока́ ещё ничегó такого́ нет — ни выюг, ни полярных ночей, а есть тóлько низкорóслые кустáрники, но всё э́то скóро наступит... И вот я, готóваясь к борьбё со стихийными труднóстями, решил придúмать чтó-нибудь такое́, что сде́лало бы жизнь за-полярников лёгче и ра́достнее!

И на́до вам сказа́ть, ребята, мой доро́гие, что здесь стрóят очень мно́го жилых до́мов, и е́сли вы пройдёте по глáвным у́лицам, то и от Москв́ы их не отличите. Но вот ме́бели пока́ ещё не хватаёт: ведь го́род-то ещё совсё́м но́вый, тóлько стрóится, и всем, зна́чит, нужна́ ме́бель. И вот я решил пред-ложíть, чтóбы столярная мастерская́ школы, в котóрой я скóро б́уду уч́иться, была́ срóчно переимено́вана в «ме́бельный цех» и ста́ла изгото́влять разную́ ме́бель для ме́стного насе-ле́ния: этажёрки, сту́лья, столы́, табурётки...»

Тут я хотёл остано́виться, но пе́ро моё́ никак не остано́вли-валось, оно́ прýмо рвало́сь да́льше по бума́ге и, поми́мо моёй во́ли, тащи́ло меня́ за собо́й. Я продолжа́л строчíть:

«Все здéшные пионёры пришл́и в неописýемый востóрг, ко-гда́ я изложíл им свой план. И все, как одíн, ста́ли восклицáть: «Вот ка́ких инициатíвных ребят́ воспитывают москóв-ская шко́ла и москóвский пионёрский отря́д! Спасíбо им за та́ких ребят́!..» А потóм все собра́лись в столярной масте-рской, в два счёта́ переде́лали вы́веску на дверях, написа́ли: «Ме́бельный цех», и срáзу схватíлись за рубáнки, пýлы и ста-мёски! Рабо́та пошла́ так горячо́, что скóро, я увёрен, нехва́тка ме́бели в го́роде б́удет полнóстью ликви́дирована! Или по-чт́и полнóстью... Тем бо́лее, что все школы́, конечно́, подхва́тят наш почíн! Я предложíл сдава́ть готóвую продúкцию прýмо в ме́бельный магази́н. И дире́ктор магази́на очень об-ра́довался и то́же воскликнул: «Ах, ка́ких инициатíвных ре-бят́ воспитывают москóвская шко́ла и москóвский пионёрский отря́д!..»

Тут я с трудóм перевёл дух, перечита́л свою́ корреспонден-

цию и с ужасом заметил, что вторая её половина была сплошным враньём. Или, лучше сказать, фантазией! В первой половине я писал просто о своих замыслах, а вот во второй... Я хотел зачеркнуть эту вторую половину, но мне стало очень жалько: уж больно здорово и красиво там всё было написано! Я представил себе, как счастливы будут все мои московские друзья, как они будут гордиться мною, и не смог зачеркнуть, просто рука не поднималась!..

Я поспешно, чтобы не передумать, засунул эту корреспонденцию в конверт, отнёс на почту, отправил заказным письмом, а квитанцию спрятал в боковой карман куртки.

И только тогда я по-настоящему ужаснулся: «А что, если мои друзья узнают правду? Какой будет позор! Они же просто откажутся от меня! Они будут презирать меня! И они будут правы... Что же делать? Как поступить?»

И решил: надо сделать так, чтобы каждая строчка моего письма стала правдой!

И получится тогда, что я просто опередил, или, как это пишут, «предвосхитил» события.

Я немедленно помчался разыскивать Вовку Рыжика, который как раз в этот день утром намеревался зайти в школьный двор, чтобы встретиться там с ребятами и немного, как он выразился, «постучать по мячугу», то есть погонять в футбол...

ФАНТАЗИЯ СТАНОВИТСЯ БЫЛЮ

Через два дня я шёл с Рыжиком в школу, в которой мне предстояло через несколько месяцев сесть за парту. Я шёл и тихонько напевал себе под нос: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!..» Эта песня очень подходила в тот момент, потому что мне и в самом деле нужно было сделать «былью» ту «сказку», которую я изобразил на бумаге и заказным письмом отправил в Москву.

Но ведь Рыжик про это письмо ничего не знал и поэтому сказал:

— Перестань ныть! У тебя нет никакого слуха!

Увы, и старший брат Дима говорил мне то же самое. И так же, как Диме, я ответил Рыжику:

— Я ведь в театре петь не собираюсь...

Вовка Рыжик не стал спорить. И вообще он был в то утро в хорошем настроении: ведь я ещё два дня назад раскрыл ему все свои планы насчёт мебельного цеха! Вовка Рыжик сразу же сбегал домой к Ван Ванычу, и тому моя «идея номер один» тоже пришлась по вкусу. Вместе они обзвонили многих ребят, и почти все пообещали, несмотря на каникулы, прийти в школу к условленному часу. Тем более, что некоторые из них сами не прекращали столярничать в мастерской и в летнюю пору.

И тогда же, два дня назад, я, чтобы всё в точности соответствовало моей замётке, предложил Вовке Рыжику:

— Давай напишем на дверях столярной мастерской: «Мебельный цех».

— Но ведь ещё никакого цеха нету...— возразил Вовка Рыжик.— Вот когда мы его создадим, тогда и напишем!

Честное слово, иногда он своей «высокой сознательностью» напоминал мне нашу занудную, до ужаса справедливую Наташу Мазурину.

— Да пойми ты: вывеска — это очень важное дело! — убеждал я Вовку Рыжика.— Вот в кинотеатрах как бывает? Сперва напишут объявление, вывешают афишу, а потом уж новый фильм показывают. А если бы афиш не вывешивали, никто бы не знал, что там идёт на экране, и никто бы в кино не ходил. Так и у нас: напишем вывеску — все знать будут!

— Ну ладно, — в конце концов согласился Вовка Рыжик.— Раз идея твоёя, пусть будет по-твоему!

Сейчас, когда мы шли в школу, чтобы встретиться там с будущими «мебельщиками», вывеска, поблёскивая свежей краской, уже висела на дверях.

Ребят пришло человек тридцать из разных классов. Вовка Рыжик стал знакомить меня и всем говорил:

— Сева Котлов из Москвы! Сева Котлов из Москвы!..

И все мне так крепко жали руку, будто были уверены, что

я наверняка хоро́ший па́рень и заслужи́ваю вся́ческого ува́жения. А всё потому́, что я был из Москвы́!

Все ста́ли расспра́шивать меня́ про Москву́. Встреча́л ли я на аэродро́ме Ю́рия Гага́рина и́ли то́лько по телеви́зору его́ ви́дел? Был ли я на Кра́сной пло́щади в День пионе́ров, 19 ма́я? Ездил ли на метро́ до Филе́й и́ли то́лько по ста́рым ли́ниям? Купа́лся ли я в бассе́йне «Москв́а» и хоро́шо ли в нём купа́ться?.. Я по́нял: они́, вдали́ от Москвы́, хоте́ли всегда́ быть вме́сте с не́ю и потому́ всё о не́й зна́ли, как о родно́м челове́ке, кото́рый хоть и живёт далеко́, но всё равно́ са́мый родно́й!..

А когда́ Во́вка Ры́жик рассказа́л, что это я придума́л устро́ить «ме́бельный цех», все ста́ли хвали́ть меня́:

— Молоде́ц! И как это тебе́ в го́лову взбрело́? Вот мы не додумались, а ты то́лько прие́хал и сразу́ додумался!

— А что ж тут удиви́тельного? Москви́ч!

Я впервые́ по́нял, что «москви́ч» — это не просто́ обыкнове́нное сло́во, а как бы поче́тное зва́ние. Ска́жешь про себя́: «москви́ч» — и на тебя́ уже́ сме́труют по-особе́нному и ждут от тебя́ чего́-то хоро́шего.

А пото́м ребята́ ста́ли приглаша́ть меня́ в свою́ шко́лу насовсе́м, уверя́я, что она́ са́мая лу́чшая в го́роде.

— Он бу́дет у нас учи́ться, не волну́йтесь, — успоко́ил всех Во́вка Ры́жик та́ким то́ном, бу́дто он был дире́ктором шко́лы и́ли да́же заве́дующим ронó.— Я уже́ это́т вопро́с обдумал: Се́ва как раз по райо́ну к нам подхо́дит!

— Он воо́обще нам подхо́дит!.. Оче́нь да́же подхо́дит! — разда́лись в отве́т голоса́.

Ван Ва́нычу, учи́телю тру́да, кото́рый делови́то ходи́л по масте́рско́й в че́рной рабо́чей спецо́вке, востóрги по моему́ а́дресу не понра́вились.

— Это мы ещё посмо́трим, — сказа́л он хриплова́тым го́лосом, погла́живая свои́ седе́ющие усы́, — подхо́дит он и́ли не подхо́дит! Иде́и подава́ть — это ещё, зна́ете, полде́ла. А мы вот его́ на работёнке настоя́щей прове́рим. Испыта́ем его́ на про́бность!..

Это сразу испортило мне настроение: проверку на прочность я мог и не выдержать, потому что в Москве главным образом подавал идеи, продумывал всякие сногсшибательные дела, а уж остальные проводили их в жизнь. То есть и я, конечно, кое в чём принимал участие, и я тоже работал в мастерской, но в последнее время Толя Буланчиков оберегал меня, потому что считал «главным мозговым центром» совета отряда. В общем, табуретку я бы мог сколотить с кем-нибудь на пару, а вот этажерку или стол смастерить — это уж вряд ли.

Ван Ваныч лукаво подмигнул мне: сейчас, мол, узнаем, каков ты есть!

Лицо Ван Ваныча казалось очень знакомым. Любый человек, который увидел бы его, сразу бы сказал: «Где-то мы встречались!» Такими мы обычно представляем себе передовых рабочих-революционеров: глубокие морщины на щеках и на лбу, усы с сединой и умные, беспокойные глаза. Ван Ваныч, оказывается, пришёл в школу с производства — с металлургического комбината, где он работал в цехе мастером.

— Ничего терять время на пустяки! Делать так делать, а болтать так болтать!.. — говорил Ван Ваныч, как-то по-особенному, по-рабочему, тряпкой вытирая руки по самые локти.

— Правильно! Надо поскорей браться за дело, — поддерживал я Ван Ваныча, — а то другие школы пронюхают и обскочут...

— Ишь ты какой: пронюхают! — Ван Ваныч сердито покачал головой. — И пусть пронюхают: больше мебели будет!

— Конечно! Пусть нюхают!.. — спохватился я. — Но только мы должны первыми начать: ведь мы же придумали!..

Все ребята разбились как бы по профессиям: одни взялись делать столы, другие — этажерки, третьи — стулья, а четвертые — красить...

— Я буду красить! — сразу вызвался я. Мне казалось, что размахивать кисточкой, пожалуй, легче, чем пилить, строгать и забивать гвозди.

— Нет уж, мы с тобой этажерками займёмся! — дернул меня за рукав Вовка Рыжик.

— А я... я как раз хорошо красить умею! С самого раннего детства... любил, знаешь, картинки раскрашивать, а потом заборы, как Том Сойер!..

— Том Сойер заборов не красил, он хитростью других заставлял. И ты такой же работник, да? Наверное, только идеи подавать умеешь! — Все это Вовка прошептал тихо: он не хотел позорить меня перед товарищами. А вслух громко заявил: — Мы с Сёвой будем «этажерочной бригадой»!

— Я же не умею... — вновь шёпотом взмолился я.

— Ничего, держись рядом и смотри. А вечером, у нас дома, подучишься!

„С ПИОНЕРСКИМ ПРИВЕТОМ!...“

Первая партия наших самодельных этажерок, столов и стульев была готова! По моему предложению, к каждой вещи была приклеена табличка с надписью: «Мебельный цех «С пионерским приветом!» Такое название цеха было очень удачно: сядет человек на стул — и будет знать, что мы его приветствуем; облокотится на стол — и тоже вспомнит о своих молодых пионерских годах.

Но вот директор мебельного магазина, оказывается, вовсе не хотел, чтобы мы его приветствовали, и не встретил нас тем радостным восклицанием, о котором я упоминал в своей корреспонденции. Нет, он не закричал от счастья: «Ах, каких инициативных ребят воспитывают московская школа и московский пионерский отряд!» Он, наоборот, очень долго сомневался, покачивал головой и говорил, что нам бы хорошо отправить свою мебель не в магазин, а на выставку «Умелые руки». Но мы объяснили ему, что делали свой этажерки, столы и стулья не для выставок, а для людей: чтобы им было на чём сидеть, на чём пообедать и куда поставить свои книжки.

Через несколько дней к нам в школу прибыла целая комиссия. Она долго оглядывала и ощупывала нашу «готовую продукцию», стучала по этажеркам, в полном составе садилась

на стулья, наваливалась на столы с такой силой, что я думал, они треснут и разлетятся на кусочки. Но они не треснули и не разлетелись.

— Давайте, давайте,— подзадоривал комиссию Ван Ваныч.— Можете даже на стол с ногами забраться и попрыгать на нём для проверки, хотя в жизни это делают довольно редко... Наша продукция проверку на прочность выдержит!

И она действительно выдержала. Авторитетная комиссия заявила, что в «порядке временной меры» нашу мебель можно продавать, но по очень низкой цене.

— Вот и прекрасно! — воскликнул я.— Мы ведь отдаём её совсем бесплатно: нам ничего, ну просто ничегошеньки не нужно! И люди будут довольны: качество высокое, а цена низкая! И вообще про нашу мебель ещё в газету заметку напишут, вот увидите!

Комиссия сказала также, что наша продукция, наверное, подойдёт для молодёжных общежитий, но что сперва надо всё это «проверить на покупателя». Стало быть, мебель собирались выставить в магазине и посмотреть, как к ней отнесётся покупатель: бросится ли на неё сломя голову или, наоборот, сломя голову в сторону отскочит!

Это было опасно: кто его знает, покупателя! Мало ли с каким настроением он придёт в магазин. Может, ещё не разберётся как следует и напишет про нашу продукцию заметку, но не в газету, как мне хотелось, а в «Книгу жалоб». Всё может быть.

Но я вовсе не собирался сидеть сложа руки и ждать, что станут делать покупатели, которых директор магазина почему-то называл «потребителями». Мне в голову пришёл великодушный план, смелый и очень простой! Я сразу раскрыл его Вовке Рыжику, и он тоже его одобрил.

Придя домой, я сразу собрал весь наш «семейный квартал».

— Завтра утром,— сказал я,— вы должны будете выполнить одно боевое задание.

— Какое? — спросили все хором.

— Купить одну этажёрку, один стол и один стул. Но не просто купить!

И дальше я подробно объяснил, как именно это нужно будет сделать.

На следующее утро мы все вчетвером пришли прямо к открытию мебельного магазина. Ещё издали я увидел Вовку Рыжика и его отца, артиста Владимира Николаевича, которые успели прийти раньше нас.

Как только магазин открылся, очередь сразу, как говорится, хлынула внутрь. И мы тоже «хлынули»... Директор магазина расхаживал как раз возле этажёрок, стульев и столов с табличками, которые весело обращались к каждому покупателю: «С пионерским приветом!»

Ещё накануне мы договорились о том, что не будем показывать в магазине свои родственные отношения: каждый пришёл сам по себе!

Первой «совершенно случайно» обратила внимание на нашу мебель моя мама — она восторженно выкрикнула на весь магазин:

— Ах, какая интересная новинка! Как это просто и как элегантно!..

— И главное — как дешево... — угрюмо поддержал маму мой брат Дима.

— Подумайте только, — продолжала мама, — и всё это сделали наши школьники! Наши дети! Наша смена!

Я, честно говоря, не ожидал от мамы этого. Она, оказывается, чудесно «перевосплащалась».

— Просто грех будет не поддержать почин детей и не купить эту мебель, — не совсем удачно, как мне показалось, вступил в разговор папа.

— Нет, вы неправы, — «перевосплащаясь», как он любил выражаться, в интеллигентного покупателя, тихо и мягко проговорил Владимир Николаевич. — При чём здесь «почин»? Мы не должны были бы только ради «почина» покупать плохую мебель... Это было бы неправильно. И даже непедагогично! А эта мебель заслуживает всяческой похвалы вне зависимости

сти от того, кем она сделана. Я бы, например, даже не догадался, что она не фабричная!

— А я просто всю жизнь мечтал сидеть на таких стульях! И держать книги именно на таких этажерках! — вновь воскликнула мама.

— И я тоже мечтал... — проямлил Дима.

— И я тоже, — гораздо бодрее поддержал папа.

А мама продолжала:

— Простота, даже некоторая нарочитая грубость работы — это же сейчас так модно!

— Нет, вы обратите внимание на цену, — снова вступил неторопливый, интеллигентный покупатель в лице Владимира Николаевича. — Это же фактически даром! Бесплатно! Я, не задумываясь, покупаю стол!..

«У вас как раз не хватает обеденного стола, — подумал я, — так что вы о своей покупке не пожалейте!..»

— А я куплю этажерку для книг, — решительно заявила мама.

Вокруг нашей мебели уже была целая толпа покупателей.

— Какая прелесть!

— Вот оно, трудовое воспитание! Приносит свой плод!

И ещё все очень высоко оценивали «низкую цену». Одним словом, многие хотели купить изделия мебельного цеха «С пионерским приветом!».

Но тут, растолкав всех, вырвался вперёд очень расторопный молодёжь человек в гимнастёрке, с толстым портфелем в руках.

— Простите, товарищи, но оптовым покупателям всегда и всё в первую очередь! Эта мебель очень подойдёт для нашего молодёжного общежития: просто, дешево и удобно! Я комендант общежития, и я покупаю всё сразу!..

Он вытер лоб платком и счастливо вздохнул. Ещё бы: ведь ему так повезло! Успел-таки купить! Я сразу понял, что «оптовый покупатель» — это такой, который хватает «всё сразу» и ничего не оставляет другим.

Вокруг сразу зашумели:

— Надо сказа́ть, что́бы на́ши ребя́та не оста́навливались на дости́гнутом!

Дирёктор магази́на с трудо́м протисну́лся впе́рёд и успоко́бил покупа́телей:

— Не волну́йтесь, това́рищи! Тут как раз прису́тствуют предста́ители ме́бельного це́ха «С пионе́рским привётом!»,— он указа́л на нас с Во́вкой Ры́жиком,— и мы попроси́м их переда́ть все ва́ши пожела́ния непосредственно́ по назначе́нию.

— Да, да, мы обяза́тельно переда́дим их по назначе́нию,— заве́рил я покупа́телей.

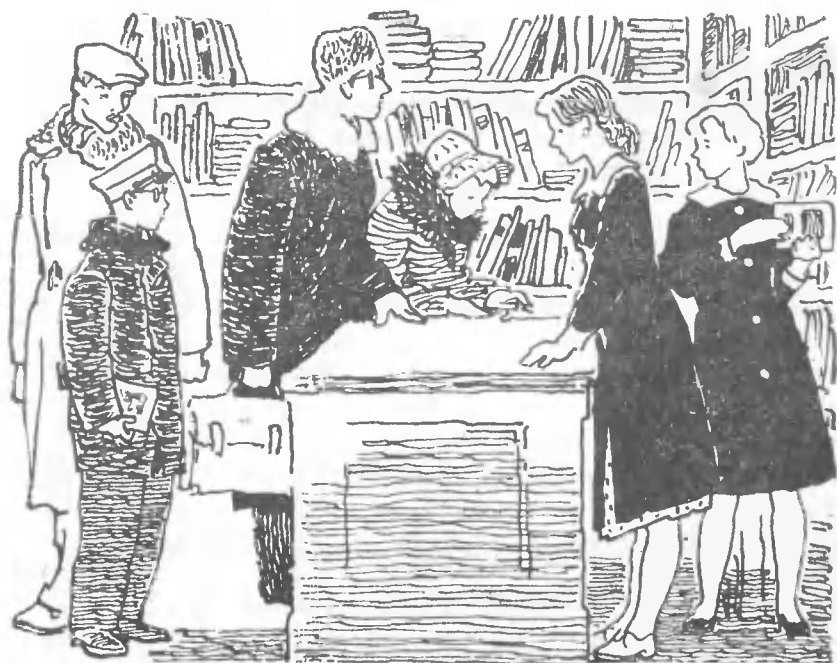
А когда́ мы вы́шли на у́лицу, я сказа́л Во́вке Ры́жику:

— Всё в по́рядке! Всё че́стно-благоро́дно: ве́дь ме́бель действительно́ хоро́шая! И почти́ беспла́тная. А так бы ещё не ве́рили, сомнева́лись, до ве́чера оцущивали...

— Конечно́, хоро́шая! — неожида́нно, уже́ всерьёз согласи́лась ма́ма.— Я да́же не ду́мала, что вы мо́жете так... Я про́сто с удово́льствием поста́влю э́ту этаже́рку к себе́ в ко́мнату!

В о́бщем, моя́ фантасти́ческая корреспонденция́ «Иде́я но́мер оди́н» ста́ла вдруг чи́стой пра́вдой! Я то́лько немно́го «предвосхи́тил» собы́тия...

В. Железников

КОСМОНАВТ

Нóвенький сидёл на последней пáрте. Его нельзя было не замéтить: у него были ярко-ры́жие во́лосы.

— У нас новичóк,— сказа́л Лёвушкин.

— Откуда ты при́ехал? — спроси́л я.

— Наш дом снесли. И мы получи́ли но́вую кварти́ру.

— Твоя́ фами́лия?

— Кня́жин.

— А как ты занима́лся по фíзике?

— Это мой любíмый предме́т.

Всё-таки он был очень рыжий, и я невольно смотрел на его волосы и не видел лица.

Я начал объяснять новые формулы. Каждый раз, когда я поворачивался к доске, чтобы написать формулу или нарисовать чертёж, Лёвушкин шептал и хихикал за моей спиной.

— Не мешай слушать,— донёсся до меня голос Княжина.

Я оглянулся: у Лёвушкина был такой растерянный вид, точно он хлебнул горячего чая, сильно обжёгся и не знал, то ли выплюнуть этот чай, то ли проглотить.

— Княжин,— сказал я,— пойдёшь к доске и реши задачу по новой формуле.

Он быстро решил задачу и чётко, без запинки всё объяснил. Мне понравилось, как он отвечал. У нас многие ребята в классе говорили лишние слова, а Княжин нет.

После звонка когда я выходил из класса, то услышал голос Лёвушкина:

— Видали, какой? Я ему мешаю. Первый день и уже наводит свой порядок. Академик Фок! ¹ Пошевелинуться нельзя. Рыжий, да ещё подлиза.

— Я и сам знаю, что рыжий,— спокойно ответил Княжин.— А ты дурак, раз дразнишься. Это совершенно точно.

Через неделю я увидел у старшей вожатой списки ребят, записавшихся в разные кружки. В физический кружок первым записался Княжин. «Хорошо,— подумал я.— Княжин — парень что надо».

Я полистал списки других кружков, и в каждом списке наталкивался на фамилию Княжина. И в зоологическом, и в математическом, и в спортивном. Только в кружок по пению он не записался.

На перемене я окликнул Княжина.

— Зачем ты записался во все кружки? — спросил я.— Помбему, это несколько легкомысленно.

---

¹ Академик Фок — знаменитый советский учёный-физик, лауреат Ленинской премии.

— Мне надо,— ответил он.

— Может быть, ты не знаешь, что увлекает тебя больше всего?

— Нет, я знаю,— упрямо ответил он.— Но мне надо. Это моя тайна.

— Тайна это или не тайна,— сказал я,— но на занятия физического кружка можешь не приходить. Если ты будешь работать в зоологическом, математическом и спортивном кружках, то на физику у тебя не останется времени.

Княжин очень расстроился и даже поблел. Я пожалел, что так резко с ним разговаривал: всё-таки он ещё мальчик.

— Я должен всё знать, я должен быть незаменимым,— сказал он.— Я буду пилотом космического корабля. И никому этого не говорил, но вы меня заставили.

— А-а! — протянул я. И впервые посмотрел ему прямо в лицо. Под рывим чубом у него был выпуклый лоб, а глаза были голубые и отчаянные.

«Этот долетит,— подумал я,— этот долетит!» Я вспомнил, как во время войны прыгал с парашютом и как это страшно, когда прыгаешь в пустоту. Посмотришь на далёкую землю, на деревья, похожие всего лишь на бугорки мха, на реки с дождевой ручеёк, и хочешь ты этого или не хочешь, а думаешь: вдруг парашют не откроется? И тогда земля делается не желанной, а страшной. «А ведь тем, кто полетит в космос, будет ещё страшней. Но этот всё равно полетит».

— Тогда я не возражаю, раз такое дело,— сказал я.

— Спасибо,— ответил Княжин.

За три месяца он не пропустил ни одного занятия физического кружка. А потом вдруг перестал ходить. И на уроках он был рассеянным и даже похудел.

— Княжин,— спросил я,— почему ты бросил кружок? Не успеваешь?

Он поднял на меня глаза. Это были глаза другого человека. Они были не отчаянные, а печальные и потеряли голубой цвет.

— Я ещё буду ходить,— ответил он.

Лёвушкин мне сказа́л (он подружился с Княжиным):

— У него́ больша́я неприятность. Рассказа́ть не могу́, но больша́я неприятность.

Я реши́л погово́рить с Княжиным на днях, но слу́чай свёл нас в э́тот же ве́чер. Я сто́ял в кни́жном магази́не у прила́вка и вдруг услыха́л позади́ себя́ знако́мый го́лос:

— Есть что́-нибудь но́венькое?

— Ма́льчик,— отве́тила де́вушка-продаве́ц,— не мо́жет быть ка́ждый день что́-нибудь но́венькое. Ты заходи́л бы ра́за два в неде́лю.

Я огляну́лся. Передо мной сто́ял Кня́жин, но что́-то незнако́мое было́ в выраже́нии его́ лица́. Я срáзу не догада́лся, а пото́м по́нял: у него́ на носу́ красова́лись очки́. Ма́ленькие ребя́чьи очки́ в бе́лой металличе́ской опра́ве.

Мину́ту мы сто́яли мо́лча. Кня́жин стал пунцо́во-кра́сным, у него́ покрасне́ли ще́ки, у́ши и да́же нос.

— А, Кня́жин,— сказа́л я.

Бо́льше я не успе́л ниче́го доба́вить, он пусти́лся наутёк. Я бро́сился за ним.

— Кня́жин! — крикну́л я.— Кня́жин, постóй!

Како́й-то мужчи́на посмотре́л на меня́, а же́нщина крикну́ла:

— Держи́ мальчи́шку!

Тогда́ Кня́жин остано́вился. Он не смотре́л на меня́, снял очки́ и ни́зко опусти́л го́лову.

— И тебе́ не сты́дно? Ма́ло ли люде́й ходят в очка́х и со́всем не сты́дятся э́того. Прости́ меня́, по-мо́ему, э́то глупо́.

Он промолча́л.

— Убегáть из-за тако́й ерунды́. А Лёвушкин говори́л: у Кня́жина больш́ие неприятности́. Чепуха́!

Тогда́ он по́днял го́лову и ти́хо сказа́л:

— А ведь меня́ тепе́рь в ле́тчики не возме́ут, я узнава́л — близо́руких не беру́т, и космо́ческие корабли́ мне не води́ть. Я э́ти очки́ ненави́жу.

Ах, вот в чём дело! Вот почему он такой несчастный и похудевший. Разлетелась в куски его первая мечта, и он страдал. Один, втихомолку.

— Зря ты так мучаешься,— сказал я наконец.— Полетишь на космическом корабле астрономом, инженером или врачом.

— Значит, вы думаете, я всё же могу надеяться? Могу? — Он схватился за мои слова с радостью.— Как же я сам не сообразил? Просто дурак, это совершенно точно.

Он был такой счастливый! А я подумал: «Хорошо, когда у человека ясная цель в жизни и всё впереди».

А. Твардовский

НА ПОДВИГ ВЕКА

На подвиг века величавый,
Во имя счастья всех людей
Серпа и молота держава
Ведёт сынов и дочерей.

Отчизна мира и свободы,
Пусть враги тебе грозят:
Всегда с тобой твой народы —
За друга друг,
За брата брат.

Непобедима наша сила,
Под красным знаменем она
И новый путь земле открыла,
И в звёздный край устремлена.

Взвивайся, ленинское знамя,
Нам осеняя путь вперёд.
Под ним идёт полмира с нами,
Настанет день —
Весь мир пойдёт.

СОДЕРЖАНИЕ

Юные друзья!	3
М. Горький. Пионёрам	5
З. Воскресенская. Ястребкѣ. Рассказ. Рис. И. Година	6
А. Голубева. Листовки. (Отрывок из повести о детстве С. М. Кірова.) Рис. В. Виноку́ра	12
М. Водопьянов. В Сибири. Рассказ	17
С. Моги́левская. Сказка о громком барабане. Рис. А. Иткина	23
Я. Шведов. Орлёнок. Стихи	30
Л. Паителеев. Зелёные берёты. Рассказ. Рис. А. Иткина	31
Э. Багрицкий. Смерть пионёрки. Стихи	54
Н. Лупсяков. Пулемёт. Рассказ. Рис. В. Макеева	60
К. Симонов. Майор привёз мальчишку на лафёте. Стихи	69
Б. Лавренёв. Большие сердце. Рассказ. Рис. И. Пахолькова	71
И. Уткин. Баллада о Заслонове и его адъютанте. Стихи	80
П. Цвѣрка. Солёвушка. Рассказ. Рис. Б. Рѣтмана	82
А. Жа́ров. Марш юных пионёров. Стихи	87
А. Алёксин. Сева Котлов за Полярным кругом. Главы из повести. Рис. Н. Усти́нова	89
В. Желѣзников. Космонавт. Рассказ. Рис. Н. Цейтлина	105
А. Твардовский. На лодвиг века. Стихи	110

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

РАССКАЗЫ И СТИХИ О ПИОНЕРАХ

Сборник

Ответственный редактор

Г. В. Кузнецова

Художественный редактор

Т. М. Токарева

Технический редактор

В. К. Егорова

Корректоры

К. И. Каревская и З. С. Ульянова

Подписано к печати с матриц 26/III
1975 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр.
№ 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 6,53. Уч.-изд.
л. 5,2. Тираж 150 000 экз. Заказ № 3934.

Цена 33 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Детская литература».
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглав-
полиграфпрома Государственного коми-
тета Совета Министров РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Сущевский
вал, 49.

Цена 33 коп.

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

[SHEVA.SPB.RU/BIB](http://sheva.spb.ru/bib)